

Афганская Арена

Волошенюк В. В.

Взвод, курсантский

**Издательский дом
«КИИ»
2018**

УДК
В68

В.В. Волошенюк

В68

Взвод, курсантский / Под редакцией и при участии
В.И. Аблазова. – К. : Издательский дом «КИЙ», 2018. –
144 с.
ISBN

Отдельным «благим», а по сути преступным решениям в военной сфере Украины не история, а сама жизнь в очень короткие сроки вынесла свой приговор жестокий и, к сожалению, обогранный кровью.

К одному из таких преступлений относится решение «мудрого руководства» о ликвидации Киевского высшего общевойскового дважды Краснознаменного командного училища имени М.В.Фрунзе в рамках «реформирования» системы военного образования практически сразу же после обретения Украиной независимости.

Киевское ВОКУ считалось одним из лучших военно-учебных заведений Сухопутных войск в Вооруженных силах СССР. Уникальным его делали и отличная полевая база, которую создавали много лет, и наличие разведывательного факультета по подготовке офицеров войсковой разведки с углубленным изучением иностранных языков.

Теперь — это грустная история, трагические последствия для украинского государства и невеселые воспоминания. Как говорили в армии, «ломать — не строить». Но все возвращается на круги своя...

Несколько рассказов из жизни курсантов, офицеров и генералов легендарного Училища и о начале офицерской карьеры его выпускника, участника боевых действий в Афганистане, составили содержание этой книги.

УДК

КУЗНИЦЫ ОФИЦЕРСКИХ КАДРОВ

Система военного образования постоянно совершенствовалась, подчиняясь требованиям времени, новым методам использования вооруженных формирований и их вооружения. Многовековую историю имеют, конечно же, военно-учебные заведения Сухопутных войск, прежде всего, разновидностей пехоты, кавалерии и артиллерии.

В Российской империи первые военные школы появились в конце XVII — начале XVIII вв.: в 1698 — Военно-инженерная школа в Москве, в 1701 — Школа математических и навигацких наук, в 1752 — Морской кадетский корпус в С.-Петербурге.

Высшие Военно-учебные заведения, получившие название военных академий, стали создаваться с конца XVIII в.: в 1798 — Медико-хирургическая, в 1832 — Военная (позже Генерального штаба), в 1855 — Артиллерийская и Инженерная, в 1867 — Военно-юридическая, в 1877 — Морская, в 1911 — Интендантская академии (все в С.-Петербурге). Академии дали армии и флоту многих выдающихся военных деятелей и учёных, создавших отечественные школы по всем основным отраслям военного искусства.

Для подготовки офицерского состава в XIX в. была создана сеть военных училищ, в том числе юнкерских (выпускавших младших офицеров). Перед началом Первой мировой войны в России существовало 20 военных училищ (в С.-Петербурге, Москве, Казани, Киеве, Одессе, Иркутске, Оренбурге, Твери и др.), в том числе 11 пехотных, 3 кавалерийских, 2 казачьих, 2 артиллерийских, 1 инженерное, 1 военно-топографическое. Офицеров готовили также специальные классы Пажеского корпуса.

Усовершенствование знаний офицерских кадров осуществлялось в школах по родам войск. В 1912 году существовали стрелковая, кавалерийская, гимнастическо-фехтовальная, воздухоплавательная, электротехническая и другие школы.

К военно-учебным заведениям относились также и общие классы Пажеского корпуса, кадетские корпуса и военные гимназии, которые имелись почти во всех губернских городах России. Они готовили к поступлению в военные училища, и в них принимались лица только привилегированных сословий.

Военно-учебные заведения на украинских землях, входивших в состав Российской империи, являлись неотъемлемой составляющей системы образования. Они были представлены кадетскими корпусами и юнкерскими училищами. До 1917 г. функционировало 12 таких военно-учебных заведений, ос-

новной целью которых была подготовка профессиональных офицерских кадров.

Первыми в системе военного образования возникли кадетские корпуса. В Российской империи их история начинается с 30-х гг. XVIII века. На украинских землях кадетские корпуса появились лишь через столетие. Императорским указом от 1836 г. был основан Петровско-Полтавский корпус, который начал функционировать в конце 1840 г. Особенностью было то, что государство ориентировало местное дворянство на благотворительный акт, подчеркивая престижность такого учебного заведения. Таким образом, дворяне, причисленных к Полтавскому корпусу Полтавской, Харьковской, Черниговской и Екатеринославской губерний, вносили денежные средства в дополнение к государственным ассигнованиям на содержание этого учебного заведения. Дворянство Киевской, Волынской и Подольской губерний также обязалось произвести финансирование корпуса в Киеве.

В начале 1852 года был открыт временный неранжированный кадетский корпус. Затем, в начале 1857 г. он был упразднен, а вместо него открыт Владимирский-Киевский кадетский корпус. В 1899 году открывается кадетский корпус в Одессе, которому присваивается имя великого князя Константина Константиновича. Одним из последних на украинских землях открывается Сумской кадетский корпус в 1900 г., история возникновения которого непосредственно связана с меценатской деятельностью семьи сахарозаводчиков Харитоненко. В 1914 году было принято решение основать в Севастополе Морской кадетский корпус, который должен был стать вторым в империи учебным заведением по подготовке кадров для военно-морских сил после петербургского. Учитывая сложные внешние и внутренние факторы, корпус функционировал не дольше года с момента своего открытия в 1916 г.

В ходе либеральных реформ 60–70-х гг. XIX в. правительство осуществляет реорганизацию военного образования. В результате этого программа военно-учебных заведений была разделена на общеобразовательную и специальную. Таким образом, кадетские корпуса стали общеобразовательными учебными заведениями с элементами профильного обучения, а специальная подготовка военных кадров осуществлялась в училищах, которые создавались при штабах округов. Наряду с военными также открывались юнкерские училища. В 1865 году были открыты пехотные юнкерские училища в Киеве, Одессе и Чугуеве, а также кавалерийское — в Елисаветграде. В 1912 году в Одессе начинает функционировать Сергиевское артиллерийское училище. Выпускники этих учебных заведений пополняли кадрами преимущественно части военных округов, расположенных на украинских землях.

Начало Первой мировой войны повысило потребность в офицерских кадрах, поэтому правительство расширило сеть военных учебных заведений. В Киеве были открыты пехотное, инженерное и артиллерийское училища. Таким образом, к 1917 г. подготовку офицеров на украинских землях осуществляли 8 училищ.

Система обучения и воспитания в кадетских корпусах и военных училищах, несмотря на общую цель, имела существенные отличия. Прежде всего, это было обусловлено тем, что кадетские корпуса являлись общеобразовательными учебными заведениями. Срок обучения в них составлял 7 лет, что было аналогично гражданским гимназиям. Программа обучения также имела незначительные отличия.

Профильное обучение в полном объеме реализовывалось в старших классах, поскольку воспитанники летом переводились в лагерь для строевых занятий. При этом на внеклассных занятиях кадеты всех классов обязательно занимались

гимнастикой, фехтованием, танцами. Следует отметить, что после окончания корпуса выпускники не только направлялись в военные училища, а также поступали в гражданские высшие учебные заведения, имея основательную общеобразовательную подготовку. Таким образом, за время обучения в корпусе подросток, пребывая в условиях армейской атмосферы, имел возможность сделать выбор: связать свою жизнь с армией или гражданской службой.

Обучение в военных училищах было направлено на получение профессионального образования. При этом учебная программа юнкерских училищ была в некоторой мере облегченной. Это было обусловлено тем, что в военные училища принимались только лица, окончившие кадетские корпуса, а контингент юнкерских училищ состоял, прежде всего, из вольноопределяющихся и унтер-офицеров перед получением ими офицерского чина.

В учебном плане специальные военные дисциплины преваляровали над предметами общеобразовательными. В дальнейшем сложилась тенденция к сокращению последних, так как количество часов на их преподавание увеличилось в кадетских корпусах. Срок обучения в училищах составлял два года, однако, с 1901 г. увеличен до трех лет и распределен на классы: общеобразовательный и специальный. При этом обучение в специальном классе было рассчитано на два года. Процесс унификации учебных программ военных и юнкерских училищ закончился в 1911 г. преобразованием юнкерских училищ в военные. Учебные предметы подразделялись на общеобразовательные (русский и иностранные языки, литература, история, математика и естественные науки), специальные (тактика, фортификация и артиллерия, военная топография) и специально-подготовительные (военное администрирование и законодательство). С началом Первой мировой войны для

ускоренной подготовки военные училища перешли на сокращенный 3-месячный курс обучения.

Выпускники военных училищ по окончании курса получали младший офицерский чин, в зависимости от разряда успеваемости (поручика, подпоручика, прапорщика). Юнкерские училища непосредственно офицеров не выпускали, а офицерское звание получали в течение года после выпуска. С переходом на сокращенный курс подготовки в 1914 г. выпускникам присваивали только звание прапорщика.

Разрушенная до основания в 1917 году царская армия, а вместе с ней и система учебных заведений, стали воссоздаваться на новых классовых принципах массовой регулярной Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА). Ещё в годы гражданской войны и военной интервенции 1918–20 годов была организована сеть высших и средних ВУЗов (военные академии, военные школы) и различных курсов, осуществлявших подготовку командных кадров для армии и флота.

Первой советской общевоинской академией явилась Академия Генерального штаба (в последующем — Военная академия им. М.В. Фрунзе), организованная в 1918 г. в Москве для подготовки старших и высших командиров. В Петрограде в конце 1917 г. начала работать Военно-инженерная академия, в 1918-м — Артиллерийская, Военно-медицинская (с 1935-го — академия им. С.М. Кирова) и Военно-морская академии. В 1925 году на базе Военно-инженерной и Артиллерийской академий была создана Военно-техническая академия РККА. Для подготовки высококвалифицированных политработников в 1919 г. открылся Петроградский учительский институт Красной Армии, преобразованный затем в Военно-политический институт, а с 1925 г. — в Военно-политическую академию (ныне Военно-политическая академия им. В. И. Ленина в Москве). В 1920 году в Москве был

основан институт инженеров Красного Военно-Воздушного Флота, переформированный в 1925 г. в Академию ВВС РККА им. Н. Е. Жуковского; в 1940 г. из неё выделилась Военно-воздушная академия командного и штурманского состава ВВС (в последствии — Военно-воздушная академия им. Ю. А. Гагарина в Монино).

Проходившие в 1930-е годы на базе индустриализации страны реорганизация Вооружённых Сил и резкое увеличение их технического оснащения, потребовали подготовки большого количества офицеров высокой квалификации для бронетанковых, химических, инженерных войск, войск связи и др.

С этой целью были созданы военные академии: моторизации и механизации Красной Армии (в дальнейшем — Военная академия бронетанковых войск им. Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского в Москве); Военно-транспортная им. Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко (до 1938 г. в Москве, затем в Ленинграде); Военно-химическая (в Москве) и Военно-электротехническая (в дальнейшем — Военная академия связи в Ленинграде). В это же время на базе соответствующих факультетов Военно-технической академии РККА были организованы Артиллерийская (с 1934 г. — им. Ф. Э. Дзержинского в Москве) и Военно-инженерная (с 1935-го — им. В. В. Куйбышева в Москве) академии.

В 1935 году открылась Военно-хозяйственная академия в Харькове (в последующие годы называемая Академией тыла и снабжения; в 1956 г. объединена с Военно-транспортной академией и получила название — Военная академия тыла и транспорта), в 1936 г. — Академия Генерального штаба (в последующем — Военная академия Генерального штаба Вооружённых Сил им. К. Е. Ворошилова в Москве), в 1941 — Военно-воздушная академия им. А. Ф. Можайского (в Ленинграде).

Военные академии комплектовались, как правило, офицерами, окончившими соответствующие военные училища и имеющими установленную штатную категорию и выслугу в войсках. Отбор кандидатов производился по конкурсу. Средний возраст поступающих в академии по командным, политическим и некоторым другим специальностям — до 32 лет, по инженерным — не старше 28 лет.

После окончания Второй мировой войны армии стран-участников антигитлеровской коалиции стали объективно резко сокращаться. Не избежала этого и победоносная Красная Армия. В 1946 году она стала называться Советской Армией. Но это не была простая формальная смена названия основной составляющей Военной организации могучего государства. Вместе с этим проходила глубокая военная реформа в построении Вооруженных сил с учетом накопленного боевого опыта Великой Отечественной войны и появления новой реактивной авиации, ракетного и ядерного оружия, а также новых вызовов безопасности страны, что потребовало и соответствующей подготовки военных кадров высокой квалификации по ряду новых специальностей.

За годы войны в боевой обстановке на основании практического опыта и результатов боевых действий многие солдаты и сержанты становились офицерами, а офицеры в короткий срок активно продвигались по служебной лестнице, не имея необходимой теоретической подготовки, военного, и даже общего образования.

После Победы весь офицерский состав прошел персональную переаттестацию, согласно выводам которой принималось решение о целесообразности дальнейшего пребывания офицеров на военной службе. Изменились приоритеты в оценке качеств офицерского состава, и на одно из первых мест вышло его общее и военное образование.

Оставленным в кадрах Вооруженных сил офицерам были предъявлены требования и созданы условия для получения общего и военного образования, а также повышения его уровня. При гарнизонных домах офицеров были организованы вечерние школы, в которых военнотружущие после служебного времени завершали полное среднее образование, прерванное войной. Получившие среднее образование офицеры экстерном сдавали экзамены за курс военного училища, получали возможность заочного обучения в гражданских и военных высших учебных заведениях и, наконец, могли реализовать, при определенных условиях, мечту о поступлении в академию.

Для нового поколения офицеров была создана система военного образования, включавшая целый ряд учебных заведений.

Младший командный состав (сержанты, старшины) для различных родов войск и специальных войск подготавливался в войсковых (флотских) учебных подразделениях и частях. Курсантам, успешно прошедшим учебную программу, присваивались сержантские звания, они назначались на штатные должности командиров отделений, механиков-водителей боевых машин, младших авиационных специалистов и др.

Военные училища ПВО, авиационно-технические, стрелковые, финансовые и другие с трехгодичным сроком обучения были созданы еще в 30-е гг., в основном, на базе соответствующих одногодичных военных школ. В 1940 году многие из них для ускорения подготовки специалистов были переведены в разряд военных школ. А с окончанием войны вновь были восстановлены военные училища как средние специальные учебные заведения, готовившие командные, технические и специальные кадры со средним военным и военно-специальным образованием.

Училища комплектовались в добровольном порядке военнослужащими (солдатами, матросами, сержантами, старшинами) и гражданскими лицами в возрасте до 23 лет, имеющими общее среднее образование.

За период обучения курсанты получали военные, политические и специальные знания, а также необходимые практические навыки по специальности.

Выпускник училища получал воинское звание «лейтенант» и право занять должность командира взвода. Через три года офицер, при отсутствии взысканий, получал очередное воинское звание «старший лейтенант» и ему предстояло приложить немало усилий для перемещения на капитанскую должность.

Дальнейшее продвижение по службе становилось проблематичным, поскольку для этого требовалось получить высшее образование, в том числе пройти обучение и успешно закончить академию. Выпускники военных училищ после установленного срока командной или другой работы в Вооружённых Силах пользовались правом поступления в ВУЗы.

Перед окончившим академию офицером открывалась перспектива роста до должностей, соответствующих званию «полковник».

А тем, кто не смог в нее поступить и продолжить образование, оставалось дослужить в звании старшего лейтенанта или капитана до 40–45 лет, и уволиться в запас, то есть на пенсию.

Для обслуживания и применения новой техники было недостаточно только практических навыков умельцев-механиков и техников, благодаря титаническим усилиям которых на земле держалась и воевала в воздухе, достигая побед, легендарная авиация Красной армии, имевшая самолеты с порш-

невыми двигателями внутреннего сгорания воздушного или водяного охлаждения.

Реактивная авиационная техника, интенсивно разрабатываемая и массово производимая военной промышленностью в первые послевоенные годы, баллистические ракеты, радиолокационные станции и другие электронные средства ПВО требовали глубоких инженерных знаний для их обслуживания.

Инженерные кадры для ВВС из авиационных специалистов, уже имевших специальное образование, десятки лет готовили две, ставшие легендарными, академии — им. Н. Е. Жуковского в Москве и им. А. Ф. Можайского в Ленинграде.

Исходя из новой объективной потребности, руководство страны приняло решение о расширении подготовки инженерных кадров для ВВС и ПВО Советской Армии. Для этой цели в конце 1940-х в начале 1950-х годов в Харькове, Риге и Киеве были сформированы высшие авиационные и радиотехнические инженерные военные училища, высшие военно-учебные заведения (ВВУЗ) нового типа.

Предлагалось называть такие ВВУЗы «Военными авиационными (радиотехническими) институтами», что полностью отражало бы их суть и способность готовить военные инженерные кадры. Но такое предложение, удивившее военачальников своей неординарностью, тогда не было поддержано. И лишь спустя почти полвека прозорливые мечты и предложения воплотились в жизнь в последующих реформах системы военного образования.

В этих высших военных инженерных училищах готовили инженеров по программам именитых академий, однако, в отличие от них, принимали на обучение в них не только опытных офицеров (имевших опыт службы и эксплуатации

военной техники), но и выпускников 10-х классов средней школы, а также солдат после первого года службы.

Все принятые на основе конкурса кандидаты в высшее училище (по-граждански — «абитуриенты») становились «слушателями». При этом офицеры пребывали в тех же воинских званиях и получали то же денежное содержание, с каковыми они прибыли в Училище; молодежь же получала звания — от рядового до старшины — в своих учебных, классных отделениях и курсах и должностной оклад 750 руб.

Престиж профессии венного инженера обеспечивался для молодежи не только агитационной и воспитательной работой политотделов, но и кадровыми, и финансовыми органами.

После первого года пребывания на условном казарменном положении и успешном окончании программы первого курса обучения молодым слушателям Училища присваивалось первичное офицерское звание «младший лейтенант» и предоставлялось право свободного выбора места проживания в общежитии или на съемных квартирах в городе. При этом должностной оклад второкурсника становился на 100 рублей больше — 850 руб., кроме того, появлялась надбавка за воинское звание.

На третьем курсе должностной оклад увеличивался еще на 100 руб и составлял уже 950 р. А после окончания третьего курса молодые слушатели получали воинское звание «лейтенант» с соответствующей надбавкой за воинское звание.

После защиты дипломного проекта через 4 года и 8 месяцев обучения все слушатели получали диплом инженера по соответствующей специальности и весьма престижное украшение мундира — белый академический ромбик, свидетельствовавший об окончании Высшего Училища. Офицеры-выпускники, имевшие опыт эксплуатации авиационной техники до поступления в Училище, называли его «поплавок»,

т.е. дающим возможность «оставаться наплаву» и видеть перспективу до конца службы.

Молодым лейтенантам два последних года учебы засчитывались в выслугу лет на очередное воинское звание, дававшее право получить звание «старший лейтенант» через год после выпуска из Училища.

В конце 1960-х, в начале 1970-х годов практически все ВУЗы, готовящие офицерские кадры, были переведены в разряд Высших военных училищ с четырех- и пятилетними сроками обучения. Была «усреднена» и привилегия первых высших военных инженерных училищ. Весь переменный состав, сформированный из школьной молодежи, стал называться курсантами с едиными нормами обеспечения и порядком. Изменились образцы нагрудных знаков. Они стали отличаться от белых академических.

Высшие военные училища (общевойсковые, политические, танковые, инженерные, авиационные, военно-морские и др.) готовили офицеров с высшим специальным образованием для замещения командных, политических, инженерно-технических и других должностей в различных видах Вооружённых Сил, родах войск и в специальных войсках. На первых этапах новые высшие военно-учебные заведения столкнулись с трудностями формирования научно-педагогических коллективов и материальной базы.

Кроме академий и высших военных училищ, военные кадры с высшим военно-специальным образованием (медицинским, финансовым и др.) готовили также военные факультеты при гражданских вузах.

Военные факультеты стали создаваться ещё в 20–30-е гг. XX в. при ведущих вузах Москвы и Ленинграда, например: факультет воздушных сообщений при Ленинградском институте инженеров путей сообщения, военно-ветеринар-

ный факультет при Московском зооветеринарном институте (позднее Ветеринарная академия), военные факультеты при Московском гидрометеорологическом институте и Государственном центральном институте физической культуры (в Москве) и др. К началу 1970-х годов такие военные факультеты существовали при Горьковском, Саратовском, Куйбышевском и Томском медицинских институтах, Московском финансовом институте, Ленинградском институте физической культуры им. П. Ф. Лесгафта и при Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского. В зависимости от профиля ВУЗа, факультеты комплектовались офицерами, рядовым и сержантским (старшинским) составом, а также гражданской молодёжью. Обучающиеся на военных факультетах, наряду с высшим военно-специальным образованием, получали знания в полном объёме программ соответствующих вузов.

Подготовка научных и преподавательских кадров для ВУЗов осуществлялась через адъюнктуру. Среди преподавателей и научных сотрудников ВУЗов всегда были специалисты высшей квалификации — профессора и доктора наук (военных, исторических, технических, медицинских и др.), доценты, кандидаты наук, многие из которых имели большой боевой и войсковой опыт.

К ВУЗам относились также суворовские и нахимовские военные училища, готовившие воспитанников для поступления в ВУЗы.

Помимо ВВУЗов переподготовка офицерского состава осуществлялась на различных курсах усовершенствования офицерского состава (КУОС) или инженерного состава (КУИНЖ) при военных академиях. Старейшими из них являлись Высшие офицерские курсы «Выстрел» им. Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова.

С обретением независимости в 1991 г. в юрисдикцию Украины перешла мощная сеть из 34 военно-учебных заведений (2 академии, 30 высших и 2 средних военных училища), 74 кафедры военной подготовки студентов гражданских высших учебных заведений по программе офицеров запаса, 204 учебных центра.

Киевское высшее общевойсковое командное дважды Краснознамённое училище имени М. В. Фрунзе (КВОКДКУ) — одно из старейших военно-учебных заведений ВС СССР. Здесь готовили специалистов различных воинских специальностей. С 1968 года Училище стало базовым учебным заведением по подготовке офицеров подразделений войсковой разведки. За время своего существования Училище подготовило и выпустило 7490 офицеров, среди них: окончивших училище с золотой медалью — 123 человека, с дипломом с отличием — 1236 человек.

Постановлением Кабинета Министров Украины № 490 19.08.1992 г. училище было ликвидировано. Три курса курсантов переведены в Одесский институт Сухопутных войск.

Командовали Училищем с 1961 по 1992 гг:

- генерал-майор артиллерии Мухачёв Яков Иванович (12.09.1961– 05.10.1966),
- генерал-лейтенант Кравченко Иван Иванович (05.10.1966–04.02.1970),
- генерал-майор Болдуев Фома Лукьянович (04.02.1970–09.06.1972),
- генерал-лейтенант Ляшко Вениамин Иванович (09.06.1972–18.07.1980),
- полковник Мелихов Анатолий Иванович (ВРИД начальника училища 19.07.1980–07.04.1981 и 20.09.1982 – 28.12.1982),

- генерал-майор Сидоров Виктор Павлович (07.04.1981– 20.09.1982),
- генерал-лейтенант Лимаренко Иван Макарович (28.12.1982–05.08.1987),
- генерал-майор Щукин, Валерий Анатольевич (05.08.–25.08.1992).

В результате реформирования системы военного образования в Украине на 2016 г. сеть высших военных учебных заведений (ВВУЗ) и военных учебных подразделений высших учебных заведений (ВУП ВУЗ), военных учебных заведений (ВУЗ) включала:

2 университета, 4 академии, 3 военных института, 3 факультета, 25 кафедр военной подготовки (КВП), 10 кафедр медицины катастроф и военной медицины (КМК и ВМ) и 2 военных лица (в городах Киеве и Одессе).

Квалификацию офицерского состава, научно-педагогических работников и государственных служащих Министерства обороны и Вооруженных сил повышают в Национальном университете обороны Украины имени Ивана Черняховского и ВВУЗах на постоянно действующих курсах.

Квалификацию сержантского (старшинского) состава повышают в военных колледжах сержантского (старшинского) состава (отделениях военной подготовки гражданских колледжей) перед назначением на более высокие должности и для повышения их профессионального уровня. Срок обучения — от одной недели до трех месяцев.

Языковая подготовка по иностранным языкам проводится в Национальном университете обороны Украины имени Ивана Черняховского и ВВУЗах на курсах языковой подготовки со сроком обучения 3–4 месяца.

Квалификацию военных врачей и провизоров повышают в Украинской военно-медицинской академии.

Традиции службы в Вооруженных силах в разных поколениях неоднократно разрушались и рождались вновь в угоду политическим процессам и «политической целесообразности».

Но далеко не все ветераны готовы забыть все лучшее, и прежде всего молодые годы своей жизни, связанные с военной службой. Воинское товарищество, взаимовыручка, боевые традиции хранятся и поддерживаются ими всю оставшуюся жизнь, независимо от политической конъюнктуры. И в череде военных событий и страниц военной биографии первое место, конечно, занимает учеба в военно-учебном заведении.

В. И. Аблазов.

ЮНКЕРСКАЯ МОЛИТВА

М. Лермонтов

Царю небесный!
Спаси меня.
От куртки тесной,
Как от огня.
От маршировки
Меня избавь,
В парадировки
Меня не ставь.
Пускай в манеже
Алёхин глас
Как можно реже
Тревожит нас.
Еще моленьё
Прошу принять
В то воскресенье
Дай разрешеньё
Мне опоздать.
Я, царь всевышний,
Хорош уж тем,
Что просьбой лишней
Не надоем.
1833

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Основано приказом по в.в. от 27 июня 1865 г. на 200 юнкеров. Открыто 1.10.1865 г. Киевское пехотное юнкерское училище для войсковых юнкеров и вольноопределяющихся с недостаточным образованием.

В 1897 году училище переименовано из юнкерского в военное и стало называться — «Киевское военное училище».

26 сентября 1914 года училищу было присвоено наименование «Первого Киевского военного училища».

После смерти великого князя Константина Константиновича 10 октября 1915 года Первое Киевское военное училище стало именоваться «Киевским пехотным великого князя Константина Константиновича военным училищем».

Из воспоминаний сына константиновца С. Вейгмана

С первого до последнего дня пребывания в училище юнкеров воспитывали в духе рыцарских традиций. Учёба начиналась с принятия военной присяги, которое, как правило, проходило в начале октября. После церковной службы на плацу выстраивались все юнкера: на правом фланге — старший курс, на левом — первокурсники. Перед строем — аналой с Евангелием и Крестом. Неподалёку располагался оркестр, исполнявший перед присягой традиционный марш «Под двуглавым орлом». Затем, по команде, юнкера снимали шапки и вслед за священником повторяли слова военной присяги, текст которой оставался в стране неизменным ещё с петровских времен: «Обязуюсь и клянусь Всемогущим Богом перед святым его Евангелием защищать Веру, Царя и Отечество до последней капли крови ...» Далее следовал церемониальный марш, после которого молодых людей ждал праздничный обед, вечером — бал, а на следующий день — первый отпуск в город.

Первое увольнение было очень важным событием в жизни юнкеров, — ведь по тому, как они были одеты, судили обо всем училище. Поэтому к первому отпуску начальство относилось с огромным вниманием: сначала в том, что у отпускника всё в порядке, убеждался портупей-юнкер, затем фельдфебель, курсовой наставник и, наконец, офицер — дежурный по училищу.

Из воспоминаний константиновца А. Деникина

Ввиду того, что по содержанию нас приравняли к юнкерскому курсу, жили мы почти на солдатском положении. Ели чрезвычайно скромно, так как наш суточный паек (около 25 копеек) был только на 10 копеек выше солдатского; казенное обмундирование и белье получали также солдатское, в то время плохого качества.

Большинство юнкеров получали из дому небольшую сумму денег (мне присылала мать 5 рублей в месяц). Но были юнкера бездомные или [из] очень бедных семей, которые довольствовались одним казенным жалованием, составлявшим тогда в месяц 221/2 (рядовой) или 33 копейки (ефрейтор). Не на что было им купить табаку, зубную щетку или почтовые марки. Но переносили они свое положение стоически.

Вообще условия жизни в училище отличались суровой простотой и скромностью, являясь хорошей школой для вступления в обер-офицерскую жизнь. Надо заметить, что в начале 90-х годов младший офицер получал в месяц около 50 рублей содержания. И хотя до революции дважды увеличивалось содержание, но стандарт офицерской жизни стоял всегда на низком уровне. И потому, когда во время революции митинговые ораторы большевистского лагеря причисляли к буржуазии, ими ненавидимой и истребляемой, офицерство, это была неправда: русский офицерский корпус в главной массе своей принадлежал к категории трудового интеллигентного пролетариата.

Строевое образование во всех училищах стояло на должной высоте. Военная муштра скоро преображала бывших гимназистов, семинаристов, студентов в заправских юнкеров, создавая ту особенную выправку, которая не оставляла многих до смерти и позволяет отличить военного человека под каким угодно платьем.

Из воспоминаний юнкера Московского пехотного училища Пашкова П.В.

Итак, рано утром 1 июня 1915 года нестройная толпа самой разношерстной и разнообразно одетой молодежи явилась в училище, чтобы стать с этого дня юнкерами.

Надо сказать, что в мое время к приему в училище допускались молодые люди исключительно с законченным средним образованием, а потому главный контингент поступающих составляли только что окончившие курс гимназисты и реалисты, много было студентов, а также довольно большой процент лиц с законченным высшим образованием, которые, окончив образование, теряли право на отсрочку по отбыванию воинской повинности и должны были идти в войска. Только в моем взводе таких было шесть или семь человек. Как исключение попадались кадеты и вольноопределяющиеся, — их было не особенно много и на них мы смотрели с почтительным восторгом, в особенности на вольноопределяющихся — георгиевских кавалеров, уже побывавших на фронте и успевших заработать свой крест.

Каждая рота, как и в других училищах, имела свое прозвище: так, юнкера роты Его Высочества, то есть — первой, назывались «крокодилами», мы — вторая рота — были «извозчиками», третья носила оскорбительное название «девочки», четвертая, за свой малый рост, имела прозвище совершенно непечатное, и, наконец, пятая рота называлась «барabanщиками».

После разбивки нас повели получать казенное обмундирование, затем была стрижка «под машинку», баня, сдача собственных вещей, и мы начали принимать воинский вид.

В смысле обмундирования и белья мы были обставлены прекрасно: постельное белье нам меняли еженедельно, нижнее — два раза в неделю, а носки и носовые платки мы могли получать хоть по десять раз на день, лишь бы было желание; требовалось только тут же сдать старые.

СЛАВА АРМІЇ,
НАРОДЖЕНІЙ
ЖОВТНЕМ!

1918

СТРАНА МОЯ,
НАДЕИСЯ НА МЕНЯ!

ПРИБЫТИЕ

В КИЕВСКОЕ ВЫСШЕЕ ОБЩЕВОЙСКОВОЕ КОМАНДНОЕ ДВАЖДЫ КРАСНОЗНАМЕННОЕ УЧИЛИЩЕ ИМЕНИ М. В. ФРУНЗЕ

Первые ностальгические чувства по родному «кадетскому дому» и грустные мысли у Васильева появились как только он переступил порог КПП училища в указанный в предписании день.

Щеголеватые «вокеры», стоящие в наряде по КПП, среди которых были бывшие кадеты с «крабами» на кителях, встречали прибывающих одновременно по-кадетски тепло и снисходительно с высоты своего положения курсантов 3-го курса.

Согласно училищной градации 3-й курс именовался «всесельными ребятами».

Сержант, дежурный по КПП, после приветствия и короткой беседы настоятельно порекомендовал Васильеву, как и многим другим, пройти в парикмахерскую, находившуюся через дорогу от училища. И это при том, что накануне Васильев посетил парикмахерскую в своем родном городе и у него была аккуратная стрижка с названием «канадка». Сразу же вспомнилось массовое «оболванивание» на первом году в кадетке ненавистной парикмахершей по распоряжению Пырча.

Мама, приехавшая с Васильевым в Киев, провожала его до КПП. В глазах у нее стояли слезы, как когда-то у ворот СВУ, когда она увидела его, обряженного в рабочую форму для наряда по столовой. От этих слез Васильеву стало еще хуже, но он всячески крепился чтобы не показать маме, что он тоже расстроен.

Поскольку в училище надо было прибыть до конца дня, они пошли погулять на ВДНХ, там в это время проходила выставка «Фотография в США». Перед входом на выставку к Васильеву подошел товарищ в штатском и сказал, что ему, поскольку он курсант, не следует идти на эту выставку. На наивный вопрос: «Почему?». Тот ответил что-то вроде того, что сам должен понимать... Настроения это не добавило.

Шагая после повторной стрижки по территории училища в указанную дежурными казарму 4-й роты 1-го курса, Васильев ощутил разницу между СВУ и КВОКУ. В отличие от газонов с фруктовыми деревьями и садом в кадетке, огромная территория КВОКУ была обустроена с «гарнизонным чувством» понимания прекрасного. Аллея героев — стандартный образец скульптурного патриотизма в духе социалистического реализма. На центральной дороге — памятник бывшему

Наркому Обороны М.В.Фрунзе: он грозно сжимает кулак, словно перед решающим сражением с вражеской сволочью. За его спиной курсантская столовая, улучшающая настроение курсантов после встречи с легендарным полководцем. Старые корпуса казарм и штаб выдержаны в строгом армейском стиле и цвете красного кирпича, возле входа в каждый из них оборудованы «курилки». На всей территории — образцово-показательная чистота, подчеркнутая свежепобеленными бордюрами и деревьями.

На газонах установлены стенды наглядной агитации партийно-политического содержания с героическими профилями воинов-коммунистов и комсомольцев, живущих по принципам морального кодекса строителей коммунизма, в любое время дня и ночи готовых дать решительный отпор агрессивному блоку НАТО.

Возле казармы 4-й роты массивный памятник солдату, грустно смотрящему в сторону забора. Курсантами он прозван Алешей. Периодически ему начищаются сапоги черной ваксой.

В расположении роты царит казарменный дух и шумный беспорядок по наведению порядка. Деревянные досчатые полы пропитаны морилкой и намастичены. В кадетке был дубовый паркет, придававший атмосфере здания теплоту и элитарность.

Личный состав роты уже переодет в курсантскую форму. Вчерашние выпускники школ, впервые одевшие х/б, выглядят чучелами. Рывкающие на них сержанты, назначенные на должности командиров отделений и заместителей командиров взводов («замки»), в большинстве своем — бывшие военнослужащие СА, поступившие в училище.

С солдафонским рвением они пытаются, с одной стороны, выслужиться перед начальством, с другой стороны, подчинить

своей воле подчиненных. В курсантской среде их зовут «сапогами». На кадетов смотрят с чувством недоверия и пытаются доказать свое превосходство. Те отвечают сдержанной холодностью и скрытым презрением.

Антогонизм в отношениях возникает почти сразу, и сохраняется в особо острой и болезненной форме на протяжении первого года обучения. Потом постепенно отношения сглаживаются. Многих сняли с должностей (знаний не хватило, а рвение не спасло). Школьники закалились и стали «вокерами», попытка привнести армейскую дедовщину, помноженную на армейскую тупость, терпит естественное поражение. Но особо отличившихся младших командиров ждет «особая благодарность» — после выпуска им вспоминается все былое, иногда дело доходит до рукоприкладства, если те вовремя не скрылись, зная о существующей традиции.

В 4-й «инженерной» роте (в дипломе, это для гражданки, значится специальность — «инженер автомобильной и тракторной техники») 6 взводов. В пяти взводах «замки» — бывшие армейцы. Только в 1-м взводе — выпускник Киевского СВУ почти двухметровый Шура Жуков. Кстати, формирование взводов осуществлялось по росту курсантов так, что в 1-м были «фитили» — за 180 см, а в 6-м «коротышки». А когда рота в таком порядке строилась, все выглядело по-военному чинно и благородно.

3-я рота — «иностранная» или «разведфак» (предполагается углубленное изучение иностранных языков, в т.ч. китайского) — считается, по праву, кадетской. В ней 4 взвода. Соответственно большинство командиров отделений и «замков» — кадеты, и дух в роте тоже кадетский. В роте готовят офицеров войсковой разведки, а значит «военную интеллигенцию». В подтверждение этого они передвигаются по территории с безобразными неуставными портфелями, набитыми

словарями, тогда как будущие полководцы «инженерного» факультета — с командирскими сумками через плечо.

После зачисления кандидатов в списки училища до праздника «1-го звонка», совмещенного с таинством принятия военной присяги оставалось чуть больше месяца. Всех кадетов к их неописуемой радости отправляли в лагерь КВОКУ на свежий воздух для совершенствования учебно-материальной базы училища. А для всех остальных устраивалось что-то вроде «курса молодого бойца» под началом бравых сержантов. Это был их звездный час. Всю приобретенную в разных учебках Советской Армии «науку за.....ть» они, не жалея себя, передавали юным подчиненным.

Непревзойденным в этом военном искусстве оказался младший сержант Миша Денисенко, командир отделения во 2-м взводе. Он стал живым воплощением лучших армейских анекдотов о воинственной тупости и хитрости младших командиров — «хохлов». Крепкого крестьянского сложения с рыжей шевелюрой он стоял перед строем, установив кулаки в пояс и угрожающе растопырив локти, словно держал в руках два арбуза. На своем отделении он испытал все приемы и методы для укрепления воинской дисциплины, творчески доведя их до совершенства.

От банальной, но зрелищной тренировки под названием «сорок пять секунд подъем—сорок пять секунд отбой», повторявшейся до полного удовлетворения товарища младшего сержанта, до восхитившего даже выдавших виды его коллег-командиров упражнения перед отбоем, заключавшегося в том, что по команде: «Делай раз!» — его подчиненные, сидя на кроватях, раздвигали пальцами рук пальцы ног для осмотра их командиром отделения на предмет чистоты. Вот до такой «глубины» доходила его забота о личном составе.

Первым, кто взял на себя «социалистические» обязательства набить Мише морду после выпуска, стал Серега Генералов. Уже одна его фамилия вызывала неудовольствие младшего сержанта Денисенко, не говоря о том, что отец у Сереги был, к слову сказать, генералом, что по существующим традициям открывало и ему путь в генералы.

Ну, а если забегать наперед, то к выпуску Миша основательно притих и поскромнел, а перед заходом взвода в Ленинскую комнату для предварительного, маленького отмечания по случаю получения лейтенантских погон, он предусмотрительно ретировался. Но до этого счастливого момента оставалось еще долгих четыре года. И как пелось в песне выпускника КВОКУ А.Оськина «Родное училище мое»:

Пройдут незаметно курсантские будни,
Простимся с училищем мы навсегда,
Но в дальних краях никогда не забудем
Те годы учёбы, те годы труда...

Правда, чаще 4-я рота пела последнюю строчку
немного иначе:
Минуты учёбы и годы труда....

Место с коротким военно-поэтическим названием ПЛАЦ

Грозный М.В. Фрунзе перед курсантской столовой

Аллея героев

Солдат Алеша

Настоящий задор приходил как раз после субботника при подготовке к увольнению

Командир отделения (кадет) Дима Кос ведет 4-й взвод на самоподготовку

3-й взвод 4-й роты на тактическом поле. 3-й справа Володя Васильков, он был первым из 4-й роты, кто погиб в Афганистане

«Хор мальчиков»

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Из воспоминаний И. И. Ореуса о Школе гвардейских подпрапорщиков и юнкеров, 1845–1849 годы

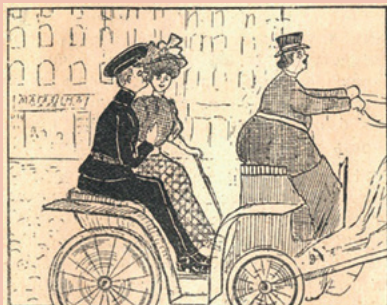
Место начальника школы занимал в то время генерал-майор Александр Николаевич Сутгоф. Человек этот был искренне предан делу воспитания; принимал во вверенном ему юношестве горячее участие; внимательно относился как к умственному и нравственному развитию молодежи, так и к материальной ее обстановке.

О питании ума нашего науками приложено было Сутгофом всевозможное попечение; но не менее заботился он и об укреплении наших развивающихся организмов здоровой и сытной пищей, которая в его время в школе была, безусловно, хороша.

За каждым обедом Сутгоф почти всегда присутствовал лично; отвеживал он пищу не из так называемой пробной порции, представляющей казовый конец обедов и ужинов, но с блюд, подаваемых воспитанникам, и если замечал что-либо неладное, то тут же разносил эконома самым бесцеремонным образом. Обед состоял из супа или щей с пирогами, мясного блюда и какого-нибудь пирожного; за ужином подавалось два кушанья.

Вне стен школы времяпрепровождение юнкеров и подпрапорщиков обуславливалось, конечно, тем, в какой семье они жили, в каком

обществе вращались и какими каждый из них мог располагать денежными средствами. Последнее обстоятельство способствовало тому, что в кавалерии было более кутежа, чем в пехоте.

Вход в рестораны, кофейни и т. п. благородные кабачки был нам воспрещен, но запрет этот легко обходился благодаря тому, что в большинстве сих заведений существовали отдельные ходы, ведущие в особые кабинеты, куда мы и пробирались совершенно свободно. <...> Впрочем, так как их посещали преимущественно днем, то и кутеж там шел более сдержанный; вечерние же собрания обыкновенно происходили у которого-либо из товарищей, проживавшего на квартире холостого брата или при родственниках, слишком снисходительно относившихся к проказам молодежи; иногда же просто в импровизированном помещении, временно нанятом самими юнкерами. Тут мы бесились, кто во что горазд, и старались отличиться друг перед другом в жертвоприношениях Бахусу. Ужин завершался иногда варением жженки, причем сахар растапливался не иначе как на скрещенных над кастрюлей саблях: того уж гусарские предания требовали!

Подгуляв как следует, расходившиеся юноши нередко отправлялись доканчивать ночь в другие веселые места. К числу подобных веселых мест принадлежали и так называемые танцклассы, где собиралось общество обоого пола для упражнений в хореографическом искусстве. Что уже это было за общество — можно себе легко представить! Наша военная молодежь наезжала туда не столько для забавы, сколько для скандала, и одно из главнейших ее наслаждений состояло в том, чтобы затеять побоище с мирными гражданами и изгнать их из танцевальной залы.

«ВЕНЯ»

К моменту поступления Васильева в КВОКУ в августе 1976 года генерал-майор Ляшко Вениамин Иванович возглавлял училище уже четыре года. На училище он пришел с должности командира гвардейской мотострелковой дивизии имени В.И. Чапаева, в народе — «чапаевской», дислоцировавшейся в Киевском военном округе.

Курсанты, стоящие в строю на плацу, при представлении старым начальником училища генерал-майором Балдуевым Фомой Лукьяновичем нового начальника запомнили навсегда первые слова генерал-майора Ляшко.

Фома Лукьянович относился к курсантам мягко и по-отечески, даже называл их сынками. После трогательной про-

щальной речи он передал слово своему сменщику. Вениамин Иванович с грохотом отодвинул стоящий перед ними микрофон и на весь плац громогласно скомандовал: «Училище, РАВНЯЙСЬ!!!»...

С его приходом в училище началась бурная деятельность по облагораживанию территории, ремонту учебно-материальной базы покраске казарменного фонда и повышению уровня воинской дисциплины курсантов в свете «последних исторических» решений очередного съезда КПСС, а равно, как и решений пленумов ЦК КПСС, решений Политбюро КПСС в деле укрепления Вооруженных Сил Советского Союза.

В этом смысле старшие курсы, которые доучивались при нем, считались как бы «потерянным поколением», и перевоспитанию подлежали только отчасти. С целью профилактики в вечернее время начальник училища совершал объезд территории училища на своей служебной «Волге» с выключенными фарами, отлавливая любителей перемахнуть через забор в районе училищного клуба.

Основная же энергия лично Вениамина Ивановича, командования и политического отдела училища сосредоточилась на молодом поколении, чтобы сделать из них настоящих «курсантов-фрунзенцев» или «фрунзевцев», разные начальники употребляли эти выражения при приветствии в силу своего понимания правил великого русского языка.

В тот период в Советской Армии было очень популярно строить и демонстрировать образцово-показательные военные городки. Этим искусством славились учебные дивизии, где готовился сержантский состав. Оттуда в народ шли рассказы о покраске травы и листьев перед приездом больших начальников. Очень приветствовалось там и проведение показательных занятий на показательной материально-учебной базе.

Не известно точно, когда за генерал-майором Ляшко Вениамином Ивановичем закрепилось курсантское «Веня», но к поступлению Васильева в КВОКУ, курсанты-фрунзенцы только так называли своего, иногда грозного, иногда трогательного, но всегда с непреерекаемым авторитетом начальника училища.

Под его командованием за четыре года обучения будущие офицеры получили богатейший теоретический и практический опыт в организации и проведении разного рода им рожденных оригинальных мероприятий.

Показательное занятие по физической подготовке, во время которого комплексы вольных упражнений и упражнения на «снарядах» выполнялись под музыку училищного оркестра (подтягивание припадало на задушевную мелодию «Як тебе не любити, Києве мій») при этом физруки следили за тем, чтобы упражнение выполнялось одновременно и в ритме мелодии. Это занятие неизменно проводилось при посещении училища иностранными делегациями.

Показательное выступление по строевой подготовке представляло собой выполнение строевых приемов с оружием и без оружия на протяжении 15 минут без единой команды, только под бой барабана. Его дебют прошел с большим успехом в присутствии Первого секретаря ЦК КПУ В.В.Щербицкого в п.г.т. Гончаровск в рамках учений Киевского военного округа.

Сильное впечатление оставляло показательное пение могучего мужского хора в составе всего училища. Песням о Родине и партии, армии и армейском комиссаре (одна из первых песен о дорогом Л.И.Брежнев) радовалась по утрам, а иногда и вечерам, вся городская округа в течение месяца при подготовке к празднику очередной годовщины Великой октябрьской социалистической революции.

Хорошо отрепетированное «попури» на темы революционных и военных песен было впервые исполнено на Крещатике после парада войск гарнизона 7 ноября. Первый секретарь ЦК КПУ В.В.Щербицкий, фактический руководитель республики, на трибуне вдохновенно подпевал и легонько дирижировал сводным оркестром.

Но венцом строевой красоты и выучки всегда считалось прохождение КВОКУ торжественным маршем на этом же параде.

Киевское ВОКУ твердым и звонким шагом (на подошвы сапог привинчивались металлические пластины, из-за чего сапоги потом протекали) с идеальным равнением курсантских шеренг (это, когда идущий в шеренге видит только грудь четвертого человека) традиционно «закрывало» парад и было вне конкуренции среди дислоцировавшихся в Киеве военных училищ.

Если бы у советских женщин были в моде чепчики, и дело было не в ноябре, они (т.е. чепчики), конечно же, полетели бы в воздух от восторга. Вместо этого, слезы умиления смахивали стоявшие на трибуне ветераны партии и армии. Кстати, попасть на Крещатик во время парада можно было только по пропускам. Все подходы блокировались оцеплением — доблестной милицией и людьми в штатском. Как-то студентки подшефного института инженеров гражданской авиации, чтобы посмотреть на своих женихов и ухажеров в парадном строю, попытались проникнуть на парад по закоулкам и подворотням. К их большому огорчению у них ничего не получилось. Позже они встречали своих героев, получивших заветные увольнительные записки, в общежитии института, приготовив «вкусненькое».

Если же говорить о боевой подготовке «вокеров», то тут не было никакой «показухи». Каждый месяц одну неделю роты проводили в лагерях. Курсанты стреляли днем и ночью

до «усеру» из всего, что стреляет. Синяя от холода и приняв «сибирскую стойку», они воевали на картах, водили боевые машины в условиях пересеченной местности зимой и летом. И все это тоже благодаря «Вене» — фронтовику.

Общение «Вени» с курсантами осуществлялось на систематической основе. Каждый понедельник утром проходило построение училища на плацу. Сначала, как и положено, в развернутом строю со встречей, докладом заместителя начальника училища полковника Мелихова и приветствием: «Здравствуйте, товарищи курсанты-ФРУНЗЕВЦЫ!». Курсанты-ФРУНЗЕВЦЫ отвечали громогласным: «Здрав, ГАВ — ГАВ, товарищ генерал-майор!!!»

После этого училище перестраивалось «в каре» перед трибуной. На трибуну поднималось командование училища. По тому, как «Веня» начинал свою речь, курсанты сразу чувствовали настроение своего воинского начальника в утро понедельника. Вначале провозглашались дежурные здравицы по поводу очередных судьбоносных решений партии и правительства под одобрительное кивание начальника политотдела полковника Шкода. Потом доводились задачи училища в свете этих же решений на текущую неделю. В заключение осуществлялся грозный «разбор полетов», если таковые происходили в выходные дни.

Самым типичным и запомнившимся «героем нашего времени» для Васильева стал курсант 12-й роты 4-го курса Шура Белоус (Белый), с которым судьба свела его потом, уже в Конотопе в Десантно-штурмовом батальоне.

Для вынесения взыскания нарушителю воинской дисциплины существовала своя высокая драматургия. Наказание за грубейшее нарушение воинской дисциплины, совершенное за стенами училища, по своей тяжести было сродни опере. Поэтому увертюрой звучало:

— Где этот «БЕЗОБРАЗНЫЙ» курсант?! (или «курсанты», в зависимости от количества «влетевших», — тон генерала был грозен и подобен бульканию кипящего гейзера. Этим подготавливался выход на авансцену главного героя. И дальше, как выстрел:

— Курсант БЕЛОУС, выйти из строя!!!

Курсант Белоус в ушитом по самым высоким требованиям «вокерской» моды х/б и фуражке со спущенной тульей, как у белогвардейца, выходит из строя, чеканя шаг, как часовой при смене караула у мавзолея Ленина, зная, что демонстрацией отличной строевой подготовки хоть немного смягчит гнев своего генерала.

Далее следовало громовое бурчание «Вени» с перечислением нарушений воинской дисциплины, которые совершил этот «БЕЗОБРАЗНЫЙ» курсант в воскресенье или субботу.

«Либретто» нарушений не баловало стоящих в строю курсантов своей новизной и разнообразием. В нем традиционно значились: РАСПИТИЕ спиртных напитков, драка с патрулем комендатуры Киевского гарнизона, задержание и доставка не только «БЕЗОБРАЗНОГО», но и пьяного курсанта Белоуса в КПЗ Киевской комендатуры.

Из гневной речи не всегда можно было четко определить, за что больше всего «разносит» генерал курсанта: за пьянку и драку, или за доставку его в Комендатуру. Тем более что, как потом рассказывал Шура, в тот вечер «Веня» был в гостях у его родителей, они дружили семьями. Но не всем было такое счастье.

После гневной тирады звучал финал на самой высокой ноте как приговор:

— Курсант БЕЛОУС, на гауптвахту на 5 суток БЕГОМ МАРШ!

Курсант Белоус четким командным голосом отвечал:

— ЕСТЬ!!!

Отдавая воинскую честь, он подносил руку не к козырьку фуражки, как требовал строевой устав, а чуть ниже виска, как это делал «Веня»-фронтовик из-за ранения, и трусцой бежал к углу плаца, где его ожидали довольные представители комендатуры.

После этого следовало прохождение торжественным маршем перед трибуной поротно под строгим оценивающим взглядом «Вени». Некоторые роты заворачивались на второй круг. При этом командиры, огорченные «незачетом», применяли все свое ораторское мастерство, иногда с широким использованием неуставных выражений, чтобы взбодрить подчиненных перед повторным прохождением. После успешного прохождения роты следовали на завтрак, и там, в столовой все отличались отменным аппетитом.

Кроме того, «Веня» лично руководил парадными тренировками на заключительном этапе во время слаживания батальонных коробок. Находясь на трибуне, он нагонял страху своим «булькающим» басом на «пронумерованных» курсантов. На груди и спине у каждого строевика были номера, как у спортсменов во время соревнований. Их изготавливали из старых простыней и на них через трафарет краской наносили цифры.

Таким образом, все были под неусыпным генеральским оком. Поэтому, если им делалось адресное замечание курсанту по его номеру и номеру шеренги за плохо поднятую ногу или за отсутствие равнения в шеренге, с обязательной традиционной характеристикой, на «НЕРАДИВОГО и БЕЗОБРАЗНОГО курсанта» набрасывались с криками, иногда с воплями, семенявшие возле коробки офицеры батальона. Иногда же проштрафившийся курсант вызывался прямо к трибуне на личное собеседование с «Веней». Каждый в этот момент думал:

— Не дай Бог!

Иногда «Веня» появлялся на вечерних тренировках с гостями после задушевной беседы в генеральском кабинете с кофточкой, согласно правилам традиционного общевойскового гостеприимства.

В такие моменты он на трибуне был «душкой» и не мог нахвалиться перед гостями бравой выправкой и строевой выучкой его «Фрунзевцев». Батальоны «на бис» наматывали круги под подбадривающие добродушные реплики «Вени». Иногда он, чтобы окончательно ублажить гостя, ласково давал команду пройти батальонам с песней. У каждого батальона была своя коронная песня на этот случай. И тут уже само собой возникало песенное соревнование, чтобы заслужить похвалу «Вени». Все от этого приходили в восторг и генерал, и курсанты, и, особенно, гости.

Однажды таким гостем оказался то ли водитель, то ли ординарец полковника Леонида Ильича Брежнева времен Великой Отечественной войны, умевший, к тому же, играть на гармошке. Как позже выяснилось, не случайно, на юбилей дорогого, теперь уже маршала, он

написал песню со словами «Армейский комиссар, гвардейский комиссар идет всегда впереди..» В Москве знаменитому Ансамблю имени Александрова, наверное, большого труда стоило исполнить эту песню, ибо рифмы в тексте находились с трудом, как и ритмы в музыке. Тем не менее, песня маршалу понравилась, и ординарца приняли в Союз композиторов. И вот теперь он «с барского плеча» решил подарить эту песню курсантам-фрунзевцам.

Чтобы даже не оставалось никаких сомнений о подарке, песню про Армейского комиссара хор КВКУ проорал 7-го ноября после парада перед трибуной с почетными гостями, правда, в хор для повышения музыкальности и мастерства

были внедрены переодетые в курсантскую форму солисты ансамбля Киевского военного округа.

Последняя встреча курсантов-выпускников 1980 года с «Веней» произошла в конце июня перед государственными экзаменами. Он в это время лечился в госпитале, но приехал в училище и пришел на плац на построение выпускного курса вместе с председателем Государственной комиссии. «Веня» выглядел похудевшим и непривычно грустным. На трибуне он пожелал своим курсантам-фрунзенцам успехов при сдаче государственных экзаменов. Потом было прохождение торжественным маршем. Батальон шел, уверенно и красиво, чтобы показать председателю Госкомиссии, что значат «вокеры» и, главное, чтобы порадовать «Веню».

Позже стало известно, что «Веню» ждет операция...

18 июля курсанты и выпускники-лейтенанты узнали, что «Веня» умер.

19 июля в клубе училища войсковое сообщество прощалось с начальником Киевского высшего общевойскового командного дважды Краснознаменного училища имени М. В. Фрунзе генерал-лейтенантом Вениамином Ивановичем Ляшко, для курсантов-фрунзенцев — «Веней».

20 июля «новоиспеченные» лейтенанты 3-й и 4-й роты после окончания церемонии вручения дипломов прошли торжественным маршем мимо трибуны на которой находилось командование училища и гости. Все понимали, что этот последний торжественный марш посвящается «Вене».

Встреча выпускников 1980 года 4-й роты КВОКУ произошла через двадцать лет, в 2000 году в Киеве, возле памятника Славы. Оттуда все вместе выехали на Лукьяновское кладбище, где возложили цветы на могилы «Вени» и первых одно-

кашников, погибших в Афганистане — Володи Василькова и Олега Янковского.

Но пришли другие времена. Весной 2017 года дипломат Васильев навестил на участке Лукьяновского кладбища захоронения погибшего в новой войне ветерана 56-й одшбр Героя Украины Михнюка О.И. и умершего от тяжелой болезни ее бывшего командира генерал-майора Раевского В.А.

Дальше память сама привела его к могиле «Вени». К ужасу Васильева современные нелюди надругались над ней, ограбили ее — сорвали с нее бронзовый бюст легендарного генерала. И никто не ответил за это...

Генерал-лейтенант Ляшко Вениамин Иванович

«Веня» на партийном форуме

Торжественное построение училища

Торжественное прохождение училища

Поле — школа боевого мастерства

Парадная тренировка

Построение по случаю выпуска молодых офицеров «Веня» докладывает представителю штаба Округа

Инструктаж на плацу училища, справа от «Вени» начальник политотдела КВОКУ полковник Шкода

«Веня» с командованием Киевского военного округа. Справа — Командующий КВО, генерал армии Герасимов И.А., слева начальник полуправления КВО, генерал Дементьев В.Т.

«Веня» вручает Почетную грамоту командиру 12-й роты старшему лейтенанту В. Шелудько

«Парадная коробка» батальна на Крещатике

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

У каждого военного училища был собственный девиз. Так, у Киевского Константиновского пехотного училища — «Помните, чье имя носите!»

Из воспоминаний константиновца А. Деникина

Проходили мы всю солдатскую службу обстоятельно — первый год в качестве учеников, второй — в роли учителей молодых юнкеров. Строевыми успехами мы гордились, роты соревновались одна с другой. Понятно поэтому, какую горькую обиду испытал я и все мы, когда командующий войсками округа, знаменитый генерал М. Драгомиров, произведя однажды смотр училищу, нашел полный беспорядок в строю и прогнал нас с учебного плаца.. Дело в том, что к тому времени по

программе пройдены были только взводные ученья, а Драгомиров, не зная, приказал произвести батальонное. Недоразумение, впрочем, скоро разъяснилось. Зато, какая радость охватила всех нас, когда в другой раз на маневре генерал горячо поблагодарил нас. Мы приняли участие тогда в производившемся в первый раз в русской армии ученье с боевыми патронами и стрельбой артиллерии через головы пехоты. До этого драгомировского нововведения, из-за опасения несчастного случая, впереди батарей в огромном секторе артиллерийского обстрела пехота не развевывалась, что искажало совершенно картину действительно боя. Артиллеристы, по-видимому, нервничали, и снаряды падали иногда в опасной близости от нас. В юнкерских рядах не произошло ни малейшего замешательства, и ученье вообще прошло блестяще.

Во время классных занятий всегда тишина и порядок. Только на уроке французского языка юнкера позволяли себе всякие вольности. Военные предметы и подсобные к ним проходились основательно, но слишком теоретически. Позднее, во время «военного ренессанса» (после японской войны) программы изменились в лучшую сторону. Гражданские предметы давали знание, но не повышали общее образование, которое считалось законченным в среднем учебном заведении. Из общих предметов проходили Закон Божий, два иностранных языка, химию, механику, аналитику и русскую литературу. Характерно, что из-за боязни, вероятно, занесения «вредных идей», только древнюю..

Я учился хорошо, и редко приходилось прибегать к фокусам. Вот разве только на репетициях по французскому языку.. Мой однопольчанин Нестеренко, хорошо владевший языком, обыкновенно сдавал репетицию за троих, дважды переодеваясь. В мундире с чужого плеча, то с подвязанной щекой, то с леденцом во рту, чтобы изменить голос — он имел вид глубоко комичный. Француз никого не помнит в лицо. Нестеренко переводит с французского умышленно не бойко — словом, на 8–9 баллов. Но вот однажды, сдавая репетицию за меня, он забылся и прочел французский текст с таким хорошим акцентом, что француз насторожился и замолчал. А Нестеренко ждет подсказа и, не дождавсь, переводит, да переводит.

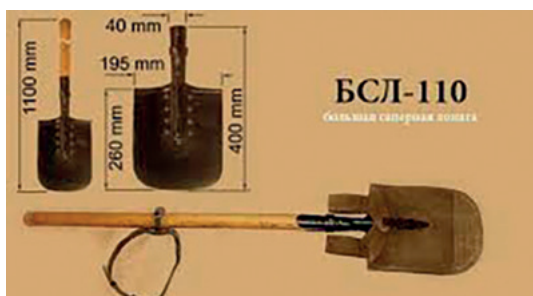
Француз, разобрав в чем дело, торжественно поднялся, взял под руки нас обоих и повел к инспектору классов.

— Ваше превосходительство, не губите.. И весь класс речитативом запел:

— Не-гу-би-те!

Француз довел нас только до дверей и отпустил с миром.

Быт необыкновенно живуч. В воспоминаниях моего однокашника, окончившего училище через восемь лет, я нашел такое же точно описание юнкерских проказ, с небольшими только «техническими усовершенствованиями».

МЫ ВСЕ УЧИЛИСЬ ПОНЕМНОГУ...

Учебный процесс в КВОКУ в связи с наличием в названии училища слова «Высшее», а в дипломе слова «инженер», предполагал изучение дисциплин гражданского высшего учебного заведения. На практике же к названиям таких предметов, как высшая математика, сопромат, детали машин, можно было приставить слова «занимательная», «занимательный» «занимательные». Иллюстрацией этого служило то, что в курсовой работе один остроумный курсант написал, что втулку можно сделать деревянной, потому что читать эту «галиматью» все равно никто не будет.

Такая картина не касалась разведфака, после которого выходили довольно приличные специалисты в области изучения

иностранных языков, даже китайского. В будущем у выпускников европейские языки успешно забывались в условиях службы ДальВо, ЗабВо, ТуркВО и т.д.

Поэтому в условиях общевоинского характера обучения самоподготовка в училище не считалась «священной короной». Зачастую ее проводили с гораздо большей практической пользой на производственных предприятиях столицы, в зависимости от того, что требовалось в конкретный момент для совершенствования благоустройства городка училища или учебно-материальной базы. Хотя слово бартер в социалистической плановой экономике употреблялось редко, за работу «вокеров» училище получало асфальт, цемент, кирпичи и другие материалы.

Так, при «Вене» был построен училищный стадион на пустыре за плацем. Его строительство в осенне-зимней грязи напоминало кадры недавно вышедшего тогда на экраны фильма «Как закалялась сталь». Что интересно, фильм снимали в с.Старе на полигоне училища. Ходили слухи, что актер Владимир Конкин, игравший Павку Корчагина, получил по морде от «вокеров» за высокомерное поведение.

Тем не менее, лекции, зачеты, экзамены проходили по расписанию. По результатам учебы были отличники, хорошисты, троичники. Двойки ставились редко. Для кадетов с полученным багажом знаний и умением организовать в условиях лимита времени на самоподготовке («сампо») учеба не представляла собой трудностей в принципе. В отличие от них, товарищи «сапоги» после своих учебок и сельских школ нередко получали положительные оценки исключительно «за пролетарское происхождение». При этом их добивали издевательские усмешки и реплики кадетов и вчерашних школьников-отличников.

На каждой кафедре царил своя, свойственная только ей атмосфера. Так, кафедру и лекции по общественным дис-

циплинам и партийно-политической работе (ППР) нарекли душевно: «Спать, спать, спать...» Главной задачей было занять места на галерке, чтобы под убаюкивающее «бубнение» о грядущем крахе мирового империализма, положив голову на мягкую шапку, сладко поспать отведенные лекционные минуты. Такая «лафа» продолжалась до прихода нового начальника кафедры, полковника Голоколосова.

Он с комиссарским напором разбудил сонное царство и освежил тезис о продолжающейся классовой борьбе. Если бы на дворе был грозный 18-й год, а у него на боку в кобуре наган, он обязательно расстрелял пару спящих «контрреволюционеров».

В короткий срок он стал грозой будущих общевойсковых командиров, стараясь возвыситься в училищной командной иерархии и стать выше интеллигентного и выдержанного начальника политотдела полковника Шкода. Звездным часом его стали экзаменационные сессии. Он, как карающий меч революции, появлялся в группах при сдаче зачетов и экзаменов. Его гнева боялись даже всегда вежливые преподаватели, стараясь помочь «плавающим» в проблемах исторического материализма и империокритицизма курсантам.

Как правило, такие посещения не проходили бесследно. Кто-то оказывался жертвой последующей пересдачи зачета или экзамена. Курсанты его ненавидели. Из этих зерен произрастал вечно живой, как Ленин, конфликт в Советской Армии между командиром и замполитом. Полковник Голоколосов к тому же окончил Донецкое военно-политическое училище, следовательно, рассчитывать ему на уважение курсантов-вожеров не приходилось.

Самой же боевой и уважаемой кафедрой считалась Кафедра огневой подготовки. Преподаватели кафедры, прошедшие полевую школу боевого мастерства на необъятных

просторах самых различных военных округов Союза, кроме бесценного опыта, обладали чувством неповторимого военного юмора. Занятия в классах по изучению материально-технической части самого лучшего в мире советского вооружения проходили живо и интересно под воспоминания, анекдоты и армейские байки.

Одной из запомнившихся была байка полковника Цимбалюка (Папа Цимбал), одессита и матерщинника о том, как, будучи молодым лейтенантом, в конце пятидесятых он постигал «науку побеждать» в казарме у фронтовиков. В стране шло сокращение армии и попавшие в «неперспективные» старые вояки, боясь этого самого сокращения, во время застолий провозглашали по нескольку раз непатриотический тост «За Эйзенхауэра!», в то время Президента США.

Возникшее политическое напряжение между СССР и США воспринималось ими, как спасение от увольнения из рядов Советской Армии.

Практические занятия по стрельбе днем и ночью во время полевых выходов оставили тоже неизгладимый след в курсантской памяти и добавили седин «огневикам».

Народная мудрость гласит, что один раз в году и палка стреляет. Курсантам не раз удавалось творчески развить эту мысль на огневых городках и директрисах училищного полигона. Так в умелых руках «вокеров» лучшее в мире вооружение БМП в ночных условиях могло открыть прицельный огонь по смотровой вышке, где находились преподаватели, руководившие стрельбой и периодически греющиеся коньячком.

Как для гражданского населения ночью все кошки серы, так и для «вокера», мечущегося в башне движущегося БМП или БТР все мерцающие огоньки в ночной мгле — это цели, которые надо уничтожить. Легкость вращения башни позволяет легко ее развернуть на 360 градусов в поиске огней, обо-

значающих цели и обнаружить такие на крыше смотровой вышки. И после этого, не теряя драгоценных минут, открыть огонь в уверенности, что перед тобой бронецель условного противника. Реакция товарищей преподавателей, мирно попивающих коньячок на вышке, на обстрел не может быть изложена на бумаге ввиду значительного количества идиоматических выражений нелитературного содержания.

Не сказать, что такие случаи происходили часто, но в каждом выпуске были свои «герои», норвящие сделать жен любимых преподавателей вдовами.

Подобный случай на занятиях по огневой подготовке даже вошел в песенное творчество одаренного курсанта-фрунзенца. А слов из песни, как известно, не выкинешь...

*В прицел не видно ни фигу,
Дрожит прицел, дрожит рука,
Но где ж та цель, что имитируется вспышкой?*

*Мелькнул далекий огонек
И на гашетку я налег,
А оказалось, что открыл огонь по Вышке.*

*Стучат снаружи по броне
И матом кроют так,
Что повторять нескромно.
Кричит полковник Цимбалюк
И сапожищем топчет люк:
— Сынок вылазь скорее, я тебя не трону*

*Кричит папаша Цимбалюк
И сапожищем топчет люк:
— Сынок вылазь скорее, я тебя не трону...*

У Васильева была своя история, связанная с огневой подготовкой и «Папой Цимбалом». На территории училища был стрелковый тир, в котором на «качалках» были установлены БМП. Стрельба из них велась из пулемета по условиям, приближенным к одному из упражнений учебных стрельб (УСС) с коротких остановок по появляющимся и движущимся целям. Чаще всего в этом тире проводились показательные занятия для иностранных делегаций.

Натренированные курсантские экипажи, состоящие из командира БМП и оператора-наводчика в новых комбезах под руководством преподавателя демонстрировали проведение занятия с боевой стрельбой.

Члены экипажей эффектно, буквально «влетали» по команде на свои места в БМП и выполняли упражнение. Машины качались, обозначая движение, и с появлением целей останавливались с пульта управления. Во время коротких остановок производилась стрельба по целям на дистанции 100м. В общем — «детский сад».

В тот раз на трибуне находились, кажется, представители дружественной болгарской армии.

Васильев выполнял обязанности оператора-наводчика, а командиром у него был «Генерал». Курсант Сергей Генералов — это звучало гордо. Ну, а то, что его отец — генерал Генералов, только добавляло ему популярности в курсантской среде.

По команде руководителя занятия «папы Цимбала» экипажи начали работу.

Васильев, очутившись в «башне», привычно поднял вверх орудие, спаренное с ПКТ (7,62-мм пулемет Калашникова танковый) и зарядил пулемет быстро, «как учили в автошколе». После этого, опустив орудие на линию огня, доложил командиру, а тот сделал доклад о готовности к стрельбе руководителю занятия.

С Вышки прозвучала команда «Вперед!». Машины закачались на «качалках», имитируя движение. Цели появились через несколько минут. Легко «взяв цель в прицел», Васильев нажал на кнопку электроспуска. ПКТ «молчал». Он нажимал кнопку еще и еще, но безрезультатно. «Что-то с лентой», — лихорадочно пронеслось у него в голове. На то, чтобы исправить ситуацию, оставались буквально секунды. Он поднял орудие вверх, чтобы проверить ленту. Для этого надо было открыть крышку ствольной коробки, прежде чем успел это сделать, в спешке нажал на «гашетку» для производства стрельбы «вручную». В следующее мгновение длинная очередь с грохотом «ушла» в потолок тира, как в копеечку.

Эффект снаружи получился потрясающий как в звуковом плане, так и в визуальном. С потолка посыпалась штукатурка. Васильев с ужасом понял, что произошло... Выполнение упражнения закончено.

Последовала команда «Разрядить оружие!», а затем «Экипажи к машине!».

Васильеву захотелось остаться в башне навеки, чтобы избежать позора. Обреченно он все же покинул машину и занял место в строю перед Вышкой. Он стоял бледный с испариной на лбу и опущенными глазами.

«Бой в Крыму все в дыму, ничего не видно», так можно было бы охарактеризовать обстановку в тире. На смотровой площадке все еще стояли улыбающиеся «болгарские братушки». После короткого «разбора» стрельбы руководителем занятия делегация покинула тир.

Папа Цимбал после ухода иностранных гостей стоял на Вышке и удрученно смотрел на курсантов-фрунзенцев. Все ждали разноса, особенно Васильев. Но в этот раз Папа Цимбал даже не ругался в привычном для него стиле, вводя в витиеватую матерную брань выражения с одесского Привоза.

— Сынки, с вами только навоз возить, — подвел он итог занятия, и махнул рукой.

На очередном показательном занятии действовали в составе этих же экипажей. Только Васильев поменялся местами с «Генералом», чтоб чего не вышло.

Надо ли говорить, что на гос. экзаменах по огневой подготовке, составной частью которых была практическая стрельба, все отстрелялись в основном на «хорошо» и «отлично». Но грустная нота, все же, присутствовала при сдаче «госов». Все помнили, что на «госах» в 1976 году, как раз перед их поступлением в училище, при метании противотанковых гранат трагически погибли два курсанта-выпускника.

Полигон в Учебном центре

Центральная аллея в Учебном центре

Спортивный городок в Учебном центре

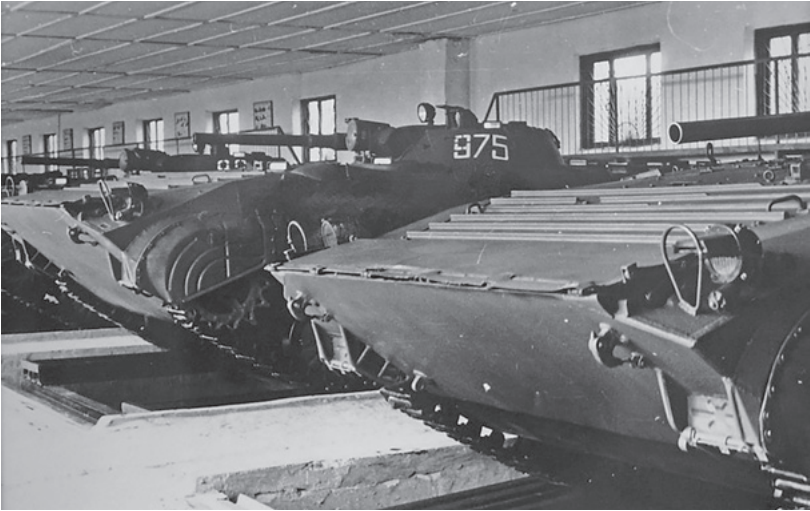
Сушка портянок

На занятиях по тактической подготовке. Справа налево: Шура Петрушенко, Шура Курчавов и «Генерал»

**Работа на картах
Шура Курчавов и Юра Миклош, в центре мечтательный «Генерал»**

Тир училища для стрельбы из БМП

Училище в парадном строю со знаменем на Крещатике Слева от Вени папа Цимбал

Справа — «Комиссар» полковник Голоколосов с Васей Букнарем на экзамене

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Из воспоминаний маршала Шапошникова Б.М. об учебе в Московском пехотном училище

С зачислением в училище нас, юнкеров младшего класса, около месяца держали в училище без отпуска, обучая правилам отдания чести, поведения на улице, в театрах, умению подходить с рапортом к дежурному офицеру, соблюдению формы одежды и

т. д. После испытания в искусстве поведения вне стен училища оставалось еще одно испытание — в умении танцевать. Два раза в неделю по полчаса в каждой полуроте происходили уроки танцев, которые вел пожилой артист Большого театра Ершов. Он учил нас, как нужно раскланиваться на балах, а затем проходили вальс и мазурку. Без умения танцевать вальс в отпуске не пускали.

В обязательном порядке командами под руководством портупей-юнкеров мы осматривали в Москве дворцы, соборы, памятники и картинные галереи. Такие экскурсии обыкновенно проводились по воскресеньям с 12 часов дня.

Начальство устраивало для нас ежегодный бал в училище, куда мы могли пригласить своих знакомых с предварительным просмотром начальством списка приглашенных. Юнкера командировались на балы в офицерские собрания расположенных в Москве полков по наряду

с каждой роты и в женские институты. Предпочитали мы, конечно, ездить в офицерские собрания, где накормят ужином, в институтах же приходилось ограничиваться чаем с бутербродами.

НЕ УЧЕБОЙ ЕДИНОЙ

Было в курсантском распорядке дня такое строго регламентированное, но очень желаемое понятие, как «личное время». Это время после ужина и до вечерней прогулки, что-то около двух часов. И если оно не забиралось ретивыми сержантами для занятий «как Родину любить», то можно было заняться тем, чем хочется. Выбор был невелик, но все же. Даже короткие минуты побыть наедине с собой или провести его с друзьями в душевных беседах «о странностях любви» ценились очень дорого. А став старше и опытнее, вокеры часто использовали его для коротких «самоходов» в близлежащие женские общежития. И не только романтические чувства влекли их в эти «заповедные» места.

Так, Шура Ливашников, киевский кадет, облюбовал женское общежитие Киевского института инженеров гражданской авиации совсем не для поиска любовных приключений. У него в этом институте училась землячка. Пользуясь этим, он стал другом всей группы. Приходя в гости, он вояжировал из комнаты в комнату. Везде его тепло принимали, кормили вкусненьким как перспективного жениха.

И позже, когда он ввел своих однокашников в общество не только красивых, но и умных будущих инженеров гражданской авиации, друзья могли наблюдать Шуру, выходящим из какой-нибудь комнаты в женском халате, или спящим, свернувшегося калачиком, на какой-нибудь женской кровати, более мягкой и приятной, чем ротная железная койка.

В училище в течение года устраивалось несколько дней «открытых дверей» для барышень и дам. Кроме официальных праздников принятия Военской присяги и выпуска молодых офицеров, «пенаты» курсантов-фрунзенцев разрешалось посещать в честь празднования Нового года. Каждая рота устраивала «елку» у себя в расположении. А еще приглашали в училищный клуб на концерты художественной самодеятельности.

В выходные дни гости допускались в отведенное место для встреч возле КПП. Там скрашивались часы для тех, кому не посчастливилось уйти в увольнение. В строгом соответствии с общевойсковыми уставами, увольнение разрешалось только для 30% личного состава для поддержания постоянной боевой готовности. А если к этому добавить воскресные выезды в лагерь, то не так уж много выпадало вольного времени на курсантскую душу. Разлуку компенсировали перепиской с барышнями, поэтому получение почты тоже было маленьким праздником.

График увольнений составлял замкомвзвода по заявкам командиров отделений. При этом старались соблюсти прин-

цип справедливости. А на старших курсах «женатики» получали свободный выход в город по выходным.

В субботу увольнение проводилось после парко-хозяйственного дня с 16.00 до 23.00. В воскресенье же с 12.00 до 22 часов. Поэтому театралы и любители танцев предпочитали субботу.

Для любителей драматического искусства — это возможность спокойно досмотреть спектакль до конца, а для любителей танцевального жанра в концертно-танцевальном зале «Юность», кстати, их насчитывалось больше чем театралов, возможность продлить знакомство в темных аллеях парка после танцев.

«Юность» в КВОКУ имела кодовое название «Гадючник». Считалось, что приличным девушкам там делать нечего, поэтому туда тянуло, как магнитом. И этот веселый зал уж никак не воспринимался, как место для выбора невест.

Остроту ощущений добавляло еще и то, что в «Юность» на вечера танцев продавалось ограниченное количество билетов. Поэтому иногда ближе к началу вечера картина возле касс по своему накалу напоминала более поздние сюжеты кинохроники в очередях за водкой во времена антиалкогольной кампании.

Директором танцзала был знаменитый в своих кругах Киева исполнитель и учитель бальных танцев по фамилии Чапкис. Однажды, потерпев поражение у касс Васильев со-товарищи пошли в «контратаку» на администрацию зала.

Услышав, что в кабинете директора проходит бурное мероприятие в связи с его с Днем Рождения, группа курсантов вошла в кабинет и от имени КВОКУ поздравила артиста. Далее последовала скромная просьба о получении «контрмарок» на танцы для тех, «кто в шинелях». Просьба была, конечно, удовлетворена. Ну, а потом последовали два отделения

с перерывом на перекур «танцев до упаду». С обязательным «белым» танцем, когда дамы приглашают кавалеров, а иногда с сольным выступлением вокеров, когда в центр круга танцующих в едином порыве летели кителя.

Следует заметить, что этот зал имел притягательную силу не только для курсантов киевских училищ, но и для Военной комендатуры. Там легко можно было выполнить план по замечаниям и задержаниям военнослужащих за нарушение формы одежды, распитие легких алкогольных напитков и т.д., — было бы желание. Подчас комендатура вообще вела себя не по-спортивному, производя облавы на нарушителей воинской дисциплины, не позволяя курсантам отдохнуть после напряженных военных будней.

Так что иногда патрули получали достойный и дружный отпор от курсантов КВОКУ, особенно это относилось к патрулям, в составе которых находились извечные враги вокеров — «траки», так звали курсантов танкового инженерного училища. Традиция эта была давняя, и ее чтили...

Позднее история взаимоотношений КВОКУ и Киевской Комендатуры пополнилась ярким примером в назидание потомкам. Решив, очевидно, показать, кто в городе хозяин, комендантские начальники в выходной день провели «операцию» по блокированию территории КВОКУ для «отлова» всех самоходчиков и других нарушителей воинской дисциплины. По рассказам очевидцев, КВОКУ держалось, как Брестская крепость и не один взрывпакет полетел на головы осаждающих и их начальников.

Существовал еще один праздник выходного дня, а именно «спортивный праздник», назначаемый регулярно руководством училища. Назвать праздником кросс на 3 км или 1 км могло только воинское начальство, обладающее определенной долей военного юмора. Радость же от него испытывали взво-

дные спортсмены, потому что первая тройка, приходящих к финишу курсантов получала в награду увольнительные записки. Остальные при этом празднично ругались и плевались после дистанции.

Кроме выходных дней, в буднях тоже находилось место для маленьких курсантских радостей, и начинались они с завтрака. Но не тогда, когда в его меню входила сухая каша из неведомых зерновых культур, слегка окропленная подливкой с куском жилистого говяжьего мяса, принадлежащего, по всей видимости, животному-долгожителю, а когда «ответственному» курсанту удавалось купить в гастрономе через дорогу свежие еще теплые «Городские» булочки по 6 копеек за штуку. Они были размером в половину батона с хрустящей корочкой. Перед употреблением их разрезали пополам и на половинки намазывали тонким слоем сливочное масло, полагающееся к завтраку. Это считалось утренним деликатесом.

Усилить утренний общевоинской рацион можно было еще с помощью курсантского кафе «Звездочка», находившегося на первом этаже столовой. Но когда на прием пищи прибывало почти одновременно 12 курсантских рот, пробиться к стойке буфета и получить желанную литровую бутылку молока могли сильные духом и крепкие телом, в основном это были старшекурсники.

За стойкой буфета героически держала осаду буфетчица по имени Маша. Среди курсантов прозванная ласково «Машка». Она одна феерически работала по быстрому обслуживанию курсантов, как теперь работает смена в Макдональдсе. В руках у нее был огромный хлебный нож, размахивая им, как самурай, Машка при этом, грозно повторяла, — От винта!

Позже в училище построили новое кафе. Название осталось старое, а внутри установили автоматы с бутербродами

и десертами. Машка осталась на боевом посту, а курсанты посещали его теперь в свободные минуты в течение дня. Вот так романтика буфетных боев ушла в историю.

В столовую же, кроме приемов пищи, ходили еще и в наряд повзводно для постижения азов военного кулинарного искусства.

Поскольку среди должностных лиц наряда по столовой были несоизмеримо различные обязанности, каждый получал свой «кусочек пирога» в строгом соответствии со жребием, завернутые подписанные бумажки с «кодовым» названием должностей складывались в фуражку или шапку, в зависимости от сезона, и вытаскивались назначенными в наряд.

Самой интеллигентной и чистой по праву считалась должность «хлебореза». Сутки в чистой «хлеборезке» в белой тулупе при сахаре, масле, да еще и в компании женщины (девушки), работницы военного общепита. А комната для хранения хлеба во время его нарезания и подготовки порционного масла и сахара к приемам пищи, кстати, запиралась на ключ...

Полной противоположностью этой непыльной работе, была служба по выносу продовольственных отходов в огромных алюминиевых баках после завтрака обеда и ужина в железный контейнер, установленный на границе территории училища, возле забора, за которым находилась «рембаза». Поскольку содержимое этих бачков, надо сказать, несправедливо называли «парашей». Носильщики бачков в записках жребия значились «парашютистами». Они тоже облачались в спецодежду, а именно в старые замызганные танковые «комбезы».

Несмотря на специфику этой деятельности, некоторые «вокеры» предпочитали именно ее в наряде, и даже обменивали свои бумажками. Преимуществом в этом деле считалось наличие свободного времени между «выносами» после приемов пищи.

«Овощерезка», где работали под лозунгом: дочистить картошку до рассвета и «Моечная», обитатели которой носили гордое имя «Человек-амфибия», не пользовались особой популярностью в курсантской среде.

Постоянное пребывание в воинском коллективе и в строю взводном, ротном, батальонном порождало естественное желание уединиться, и каждый старался найти для себя отдушину. И даже в «казарме» находились «сакральные» места для душевного общения и приятного времяпрепровождения. Это были предусмотренные мудрым уставом внутренней службы: канцелярии, каптерки, сушилки. Приятельские отношения с ответственными за эти помещения давали возможность вечером немного расслабиться. Вскипятив воду запрещенным кипятильником в сушилке, можно было устроить чаепитие под Демиса Русоса, звучащего из кассетного магнитофона «Весна». И даже стойкий «аромат» сапог, «гроздьями» развешенных для просушки не портил впечатление от вечера.

Когда же на 4-м курсе рота переселилась в общежитие, это стало настоящим праздником жизни (почти, как Париж для Хемингуэя), по-настоящему прочувствовать его можно было только после трех лет «казармы». Комнаты почти все были на четыре человека. Селились в них сдружившимися маленькими коллективами. И теперь в комнате можно было устраивать настоящие чаепития, особенно после увольнений, когда «киевляне» приносили от мам сумки с провизией.

Отдельным удовольствием стали и построения. Старшина роты Петя Ваулин зычным голосом на первом этаже надрылся, давая команды на построения.

Его коронным номером было периодически путать цель построения.

Так он орал.

— Рота, строиться на обед, то есть, на завтрак! Иногда команда могла прозвучать, ко всеобщему удовольствию, и с двумя поправками.

— Рота, строиться на обед, то есть, на завтрак! Тьфу! То есть на ужин.

Конечно же, никто не торопился выполнять даже такие желанные команды. Господа курсанты вальяжно сходились к месту построения, как бы в отместку за прыть, проявлявшуюся на первом и втором курсах.

Свои особенности обрела и вечерняя поверка. Если в былые годы на произнесенную старшиной фамилию, к примеру: ИВАНОВ! — мог прозвучать ответ:

— Болен, отдыхает!

Теперь чаще звучал ответ.

— Пьяный, отдыхает!

К досугу, в связи с расселением по комнатам, добавилось еще одно вечернее занятие. И этим повальным увлечением стал «Преферанс». Как считалось у вокеров, настоящая офицерская игра. Некоторые даже предпочитали не пойти в утратившее остроту чувств увольнение, а, «скупившись», в соседнем гастрономе, расписать «пульку» в дружеской компании.

Безусловно, это было достойное занятие для почти господ офицеров. Не то, что некогда на младших курсах, игра в «Крокодилчика». Находясь в «Гадючнике», группа играющих «выбрасывала пальцы», и на кого выпадало при счете это счастливое число, должен был пригласить на медленный танец «Крокодилчика». Дама под таким кодовым названием выбиралась всем коллективом играющих.

Она могла быть значительно выше, толще и старше проигравшего. И тогда «невольник чести» под наблюдением строгих товарищей мужественно шел навстречу своему счастью.

Потому что, как учили на кафедре ППР, в жизни всегда есть место подвигу.

**Репетиция выступления ансамбля народного танца 4-й роты «Березка»
(пока в брюках)**

Курсантская столовая, скромно и со вкусом

Спортзал

Расположение (казарма)

Новое кафе «Звездочка»

Курсантская столовая

Из воспоминаний маршала Шапошникова Б.М. об учебе в Московском пехотном училище

Ближе к юнкерам стоял ротный командир. 2-й ротой при мне командовал капитан Калынин, грубый армейским офицер, большого роста, ходивший вразвалку. Мы называли его «чемоданом». Военное дело он знал плохо, больше следил за внутренним порядком в роте. Как все ротные командиры военных училищ, числился по гвардии.

Непосредственным нашим начальником и воспитателем являлся полуротный командир, в нашей полуроте — штабс-капитан лейб-гвардии Кексгольмского полка Бауер (полуротные командиры числились прикомандированными к училищу и оставались в списках своих полков). Штабс-капитан Бауер был хорошим строевиком и отличным воспитателем. На юнкеров он смотрел как на будущих офицеров, поэтому старался привить нам качества начальника. Прежде всего, он требовал от нас правды. Будущий офицер не имел права лгать или изворачиваться. Каждый юнкер, совершивший какой-либо проступок, прежде всего сам, обязан был доложить своему непосредственному начальнику — отделенному портупей-юнкеру, — а тот уже докладывал по команде. Обычно в таких случаях Бауер даже не накладывал дисциплинарного взыскания. Но если сам Бауер или начальство выше него узнавали о происшествии, тогда с его стороны пощады виновному уже не было.

Обыкновенно после возвращения из отпусков на уроке уставов на вопрос Бауера, что и с кем случилось, юнкера вставали и докладывали о своих проступках. В один из таких опросов юнкер Низяев не доложил, что он не отдал на улице честь офицеру Ростовского гренадерского полка, который, сделав ему замечание, не спросил даже его фамилии, а узнал только номер роты. Бауер задал Низяеву вопрос, были с ним подобный случай, юнкер подтвердил, но на вопрос, почему не доложил по начальству, отмолчался. Низяев получил двое суток ареста, а мы были поражены, как мог Бауер узнать это. Дело потом выяснилось: сделавший замечание Низяеву офицер оказался знакомым Бауера, [69] сказал ему об этом случае и обрисовал внешность Низяева, который смахивал на китайца. Улики были налицо.

Второе, что прививал нам Бауер, — это ответственность. За каждый проступок юнкера отвечали и отделенный и взводный портупей-юнкера.

Одним словом, повседневным воспитанием Бауер закладывал в нас то, что нам должно было понадобиться в будущем. Лично я, следуя на службе его принципам, в отношениях с подчиненными всегда достигал успеха.

УЧИТЬСЯ
ТОМУ, ЧТО НЕОБХОДИМО НА ВОЙНЕ!

Снято в 1943 году. Режиссеры: Александр Иванов, Александр Зельманов.

Восстановлено по оригиналу.

Снято в 1943 году. Режиссеры: Александр Иванов, Александр Зельманов.

**СТРОГО ХРАНИ
ГОСУДАРСТВЕННУЮ И ВОЕННУЮ ТАЙНУ!**

ОФИЦЕРЫ БАТАЛЬОНА

В Кадетке название должностей офицеров роты смягчалось дополнением «воспитатели», прямо как в пионерском лагере. В военно-инженерных училищах для подразделений употреблялись либеральные наименования: «факультет», «курс», «группа». В КВОКУ эти «шалости» были напрочь отброшены. В «кузнице общевоинских командиров» имели право на жизнь исключительно предусмотренные уставом подразделения: батальон, рота, взвод, отделение.

Командиром батальона у Васильева и его однокурсников был полковник Кутний Иван Михайлович. За его плечами было уже, как минимум, около 25 календарных лет службы в Советской Армии и курсантами он воспринимался, как че-

ловека очень пожилого возраста, которому надо уступать место в трамвае.

Курсантов он даже не ругал, а скорее журил. Поднимая при этом указательный палец вверх в конце речи, он неизменно добавлял:

— Ото оно!

Это «оно» относилось почти ко всему сказанному в каждой конкретной ситуации. В общем, он был незлобный, а иногда даже умилительный «старик». Однажды кто-то из дневальных по роте приметил, как на территории училища, завидев вдалеке «Веню», комбат, по-стариковски семеня, оббежал казарму, и, перейдя на степенную походку, гордо пошел навстречу начальнику училища.

Замполитом батальона был майор Василий Букнарь. Если комбат был высоким и статным, то замполит, как раз наоборот, — маленького роста и «кругленький». Стоя перед строем батальона, они напоминали популярный украинский сатирический дуэт — Тарапуньку и Штепселя.

За красноречие, как и положено замполиту, он получил приклеившуюся к нему характеристику от записного разгильдяя и авантюриста роты (впоследствии исключенного из училища) Жени Каращука.

Так однажды, после длинной и нудной воспитательной речи замполита, курсант Каращук, как бы объявляя выступление артиста, театрально произнес «гарною українською мовою»:

— Василь Букнарь, гуморески!

Это, конечно, была смертельная обида для представителя политических органов Советской Армии и Военно-морского флота.

Васильева связывало с замполитом то, что он водночасье из секретаря комсомольской организации 4-го взвода, снятого за «развал» комсомольской работы во взводе, превратился

в «диссидента». О чем замполит не преминул сообщить на построении батальона. За этим последовали организационные мероприятия. Васильева и примкнувшего к нему другого «оппозиционера» Володю Чупина перевели из 4-го взвода во 2-й взвод на перевоспитание.

Но, с другой стороны, Васильев внес большой вклад в подготовку смотра художественной самодеятельности училища. Кроме исполнения бальных танцев с девчонками, с которыми танцевал еще в «Кадетке», он возложил на себя добровольно обязанности художественного руководителя созданного им ансамбля народного танца «Березка».

И после ошеломительного успеха ансамбля 4-й роты, выступившего с одноименным танцем «Березка», исполнявшимся в женских танцевальных костюмах и с голыми ногами, замполит подобрел и стал относиться к нему, как к представителю творческой интеллигенции, ставшему на путь исправления.

Трогательная встреча Васильева с Букнаром произошла после того, как он после окончания военно-исторической группы Военной Академии им. М.В. Фрунзе начал службу в Министерстве Обороны Украины. Они встретились в Доме офицеров. Замполит уже уволился и подрабатывал на военно-культурном поприще гражданским специалистом. У Васи Букнаря появились проблемы со слухом. Он постоянно просил повторить сказанное, прикладывая ладонь к уху, чтобы лучше слышать. Но при этом он хорошо видел и не терял бдительности настоящего коммуниста. Когда Васильев зачастил по делам службы к симпатичной инструкторше Дома Офицеров, Букнарь, как бы невзначай, начал называть Васильева Ивановым. Это была фамилия инструкторши.

Первым командиром 4-й роты был старший лейтенант Титков Александр Николаевич. Предыдущий выпуск дал ему прозвище «Маугли». Он запомнился своей жесткостью,

а порой и откровенной жестокостью. Будучи кандидатом для поступления в Академию Советской Армии, которая готовила военно-дипломатические и разведывательные кадры, Титков, образно говоря, готов был три шкуры драть с курсантов, чтобы завоевать авторитет у училищного руководства. Привилегированными у него были сержантский состав, «выпрыгивающий из штанов» в желании сделать из роты «учебку» в лучших традициях Советской Армии, ну и еще «каптеры», жившие своей жизнью, которых не касались построения, самоподготовки, а иногда и занятия. Двое из этих кадров-любимчиков «отличились» в первом летнем отпуске. У реки, на природе вечером они устроили пьяный фейерверк из сэкономленных средств имитации для тактических занятий — взрывпакетов, сигнальных ракет и т.д. (за получение этого «добра» они были ответственны).

Впоследствии «компетентными органами» у них был выявлен целый «склад» боеприпасов. Поэтому ребята загремели в колонию общего режима «под панфары», как говорилось одним из героев любимого советского сериала «Тени исчезают в полдень».

А Васильев на себе испытал воспитательные методы Титкова в период своего «диссидентства». Ко всем бедам, находясь в увольнении, он утерял комсомольский билет, а отсюда недалеко было и до измены родине, по-авторитетному мнению Васи Букнаря. За этим последовали воспитательно-профилактические мероприятия перед выдачей нового.

Во время одного из передвижений строем по территории Титкову что-то не понравилось в строевом шаге Васильева. Он остановил роту и истерически стал орать на него. Апофеозом стало то, что он заставил Васильева снять комсомольский значок, подразумевая, что тот его не достоин. Это было больно и унижительно.

На втором курсе к всеобщей радости Титков поступил в Академию и роту принял Стежко Валентин Андреевич. С ним и прошли годы учебы до выпуска. Теплое отношение к нему сохранилось на всю оставшуюся жизнь.

Справедливости ради надо сказать, что через много лет, когда Васильев учился в Академии им. М.В. Фрунзе, он встретил Титкова в Москве уже полковником. Тот в разговоре признал, что многое в училище можно было бы сделать по-другому, и он об этом сожалеет.

В отношениях курсантов со взводными имелись свои особенности. Многим взводным, вчерашним курсантам, очень сложно было завоевать авторитет у подчиненных. Они словно мгновенно забывали, что сами вчера были курсантами, и все их догматические дисциплинарные методы из устава не давали результата. У них не было опыта службы в войсках, их просто не уважали и давали им это понять, порой очень болезненно.

Тот же командир 4-го взвода старший лейтенант Шулепов показал свои не лучшие офицерские качества и слабость, настояв на переводе своих подчиненных Васильева и Чупина в другой взвод на основе полученных от взводного «стукача» сведений крамольного характера.

Пожалуй, самым авторитетным в роте был командир 1-го взвода Григорий Шуляк. Он уже не один год находился на должности взводного. Его прозвище «Отец Григорий», говорило само за себя. Он не рвал сердце в карьерных устремлениях, цитируя часто требование своей жены: «Хоть капитаном всю службу, только в Киеве». За Днепром земли для него не было. Его требовательность была, приперчена народным юмором, что ценилось почему-то очень высоко в курсантской среде. От такой требовательности веяло человечностью, а не солдафонством.

Сопровождая курсантов на занятиях или на всякого рода хозяйственных работах, «Отец Григорий» всегда был с толстой художественной книгой в руках. Попасться ему на глаза за чтением художественной литературы на самоподготовке было черевато тем, что книга, если представляла для него интерес, им изымалась и возвращалась только после того, как сам он ее прочитает.

Вообще, служба для взводных в училище, по сравнению с войсками, считалась санаторием. Их должности были капитанскими. В учебном процессе, кроме отдельных занятий на полигоне, они не были задействованы. Наряды на службу тоже не особенно их обременяли. К столичной жизни добавлялась и реальная перспектива для женатых получить квартиру в Киеве. Кроме того, с должности командира курсантской роты можно было поступать в Академию. Главное — «не залететь по пьянке или аморалке», потому что в этом случае проштрафившихся отправляли в войска, как это произошло с командиром 12-й роты Васей Шелудько.

Вася считался одним из лучших строевиков КВОКУ. Его обожали курсанты, он был любимцем «Вени». Но после того, как у Васи Шелудько сломалась семейная жизнь, он сорвался и был отправлен для дальнейшего прохождения службы в Конотопскую кадрированную мотострелковую дивизию.

Васины перлы передавались из поколения в поколение курсантов.

Один из них звучал примерно так. Он вызвал в канцелярию дневального по роте и отдал распоряжение:

— На КПП пришла одна бл-дь, это моя жена. Пойди и передай ей, что меня нет в роте, я на выезде.

В свою очередь, Вася был учеником другого легендарного командира роты — старшего лейтенанта Свида.

Последнему сам Козьма Прутков мог бы позавидовать за его афоризмы. Как в случае, когда его курсант прославился на весь гарнизон тем, что в пьяном виде во Дворце Украина, в присутствии командования Киевского военного округа стал проявлять на сцене назойливые знаки внимания к Народной артистке СССР Ноне Мордюковой в конце ее выступления. Будучи поклонником ее таланта, он, преподнеся ей цветы, долго не мог оторваться от руки актрисы под одобрительную реакцию зала. Оказавшись за кулисами, где его успокаивал вызванный комендантский патруль, он успел еще порадовать зрителей проявлением заботы о казенном имуществе. Стоя вблизи включенного микрофона, он обратился к присутствующим с вопросом:

— Еб.....й род, где моя шинелка?

В результате страстный поклонник Ноны Мордюковой был отправлен на гарнизонную гаубтвахту на эн-нное количество суток.

После возвращения с «губы» небритый «театрал» предстал перед строем роты. Старший лейтенант Свида произнес запомнившуюся воспитательную речь:

— Вы посмотрите на этого «БЕЗОБРАЗНОГО» курсанта, — сказал он, подражая «Вене», — Ему видите ли мало простых офицерских радостей: п...-ды и бутылки, ему искусство подавай...

Васильев встретился с Васей Шелудько в городе Конотопе, куда был направлен для службы в десантно-штурмовой батальон после выпуска из училища. Жили вместе с ним в одном офицерском общежитии. Вася очень тепло относился к младшим выпускникам — вокерам, проявляя командирскую заботу и внимание.

Через год службы в ДШБ Васильев убыл для выполнения интернационального долга в ДРА. Приехав в отпуск из

Афганистана в Конотоп, Васильев узнал, что Вася Шелудько застрелился.

Была еще одна офицерская должность в курсантском батальоне — секретарь комитета комсомола батальона. На курсантском языке просто «комсомолец». «Пролежав» несколько лет на этой должности, зарекомендовавший себя в глазах начальства пламенным активистом, «комсомолец» строил свою успешную дальнейшую карьеру на замполитском поприще.

«Комсомолец» нашего батальона был из «блатных», еще и удачно женился, иначе, как бы он получил квартиру возле станции метро «Арсенальная» в одном доме с Олегом Блохиным. Он же и затащил знаменитого футболиста в училище на встречу с курсантами. Тогда Олег Блохин был на пике славы. В училище он приехал, одетый во все «заграничное», на синей новой «Волге» ГАЗ-24. Такая же была у начальника училища, только черная.

Во время встречи Блохин рассказал, что кроме игры в футбол, учится на журналистском факультете в университете. По складности его речи это совсем не чувствовалось, но не это, конечно, интересовало вокеров. Гораздо интересней было слушать о том, как «засуживали» «Динамо» в играх с московским «Спартаком», и как «драл» команду Лобановский. В конце встречи сделали обязательное фото на память. В общем, «комсомолец» оказался молодцом.

Командир батальона полковник Кутний Иван Михайлович и замполит батальона подполковник Букнарь Василий

На Крещатике, в центре командир 4-й роты Стежко Валентин Андреевич, слева — командир 3-й роты Востряков Владимир Степанович, справа — командир 2-го взвода 4-й роты Шулепов Иван

Первый командир 4-й роты Титков Александр Николаевич

Встреча с Олегом Блохиным

Из истории Елисаветградского Кавалерийского юнкерского училища

Летом 1888 года под г. Елисаветград происходили Царские маневры войск Харьковского, Киевского и Одесского военных округов в которых принимало участие юнкерское Елисаветградское кавалерийское училище в полном составе, а также и два пехотных юнкерских училища — Чугуевское и Одесское, каждое состоя при войсках своего округа.

После маневров, 30 августа 1888 года в г. Александрии, Херсонской губернии был парад, где все войска пройдя церемониальным маршем перед Императором Александром III разошлись по своим стоянкам.

В это время училище перешло в новое Дворцовое здание, где после окончания маневров Государь с Государыней и поселились.

У дверей Царских покоев (первая дверь от города у училищных ворот), за все время пребывания там Царской Четы, стояли почетные парные часовые из юнкеров.

Перед своим отбытием из Елисаветграда, Государь произвел юнкерам смотр на плацу, пропустив в пешем строю церемониальным маршем под звуки своих же трубачей, поблагодарил юнкеров за молодецкий вид и приказал дать трехдневный отпуск. Часа через полтора Государь с Семейей отбыл из Елисаветграда. Оба эскадрона в конном строю, колонной по шести, рысью сопровождали Царственную Чету, ехавшую в экипаже и выстроились развернутым фронтом на площади у вокзала перед Царским поездом.

Государь с Государыней стоя у окна вагона, отбыли при громком «ура», оставив о себе неизгладимое впечатление.

**ОХРАНЯЕТ ЗЕМЛЮ СВЯТО
ОТ БЕЗУМНЫХ ПЛАНОВ НАТО**

СТАЖИРОВКА

Стажировка в войсках проводилась в июле после третьего курса. По своей значимости в курсантских мечтах она занимала второе место после выпуска. Слово «войска» воспринималось, как нечто неведомое и магическое. Ради того, чтобы туда отправиться, в общем-то, и пришли в эти стены. На стажировку разъезжались в разные округа: Киевский, Прикарпатский, Белорусский — поездами в сопровождении ротных офицеров и преподавателей.

На каждый взвод выделялось определенное количество мест в каждый округ. Распределялись они по-братски. Васильев с «Генералом» выбрали танковую дивизию в Овруче

Закарпатского ВО. Объяснения были практичными, без всякой примеси военной романтики. У «Генерала» отец командовал дивизией в этом округе, только в Черновцах, а у Васильева бабушка жила в селе в Житомирской области не очень далеко от Овруча. Очень хотелось побывать в местах детства.

Подготовка к стажировке в роте велась со всей ответственностью. Задача стояла непростая. Сначала предстать на строевом смотре «полным чмом» к радости наивных начальников, а именно, в х/б нешитом, а значит «сидящем» мешком и яловых сапогах, их использовали уже давно только для полевых выходов. В остальное время почти все носили офицерские хромовые сапоги, зачастую «глаженные». Это не запрещалось и даже приветствовалось, но на стажировку требование было категорическое, только в положенных яловых. С фуражками тоже были вопросы. К этому времени многие обзавелись шитыми в военном ателье в стиле «аэродром». О них тоже и речи не могло быть. На этом проблемы не заканчивались. С летним новым х/б опять же вышла незадача. Потому что большая его часть оказалась со спецобработкой «на случай ядерной войны». Оно было скользкое наощупь и неестественно блестящее. В «народе» это х/б получило нелюбезное название «гандон». Васильеву достался именно такой экземпляр. И тогда помог талант «Генерала» разговаривать с «прапорами-складчиками». В результате «гандон» был обменен на нормальное х/б, впоследствии аккуратно ушитое.

На строевой смотр перед отправкой рота, к наивной радости командования батальона, вышла в полном «чмошном» облачении, многие даже с сержантскими полевыми сумками из дерматина вместо офицерских.

С началом выдвижения колонны автомобилей с вокерами на борту из парка училища в направлении железнодорожного вокзала последовала вторая фаза «операции». Она проводи-

лась с применением приемов военной хитрости, о ней много поведали «преподы» на занятиях по тактической обстановке. Для обеспечения успеха были привлечены силы и средства родственников и друзей. Главной задачей являлась передача пакетов и сумок с комплектами правильной «формы одежды». Порядок передачи определялся индивидуально.

При выезде машин из ворот Контрольно-технического пункта училища отдельно стоящие и идущие пешеходы вдруг стали бросать пакеты и сумки в кузова с гогочущими курсантами. Этот «пакетообстрел» продолжался, пока колонна на медленной скорости вытягивалась по улице полковника Шутова до выезда на Брест-Литовский проспект.

Иван Михайлович Кутний, находясь в головной машине, от увиденного в боковое зеркало, по-моему, был в прединфарктном состоянии. В моменты, когда он волновался, он начинал непроизвольно «приплюмкивать» губами, а между верхней и нижней губой у него образовывалась слюнка, как веревочка, связывающая губы. Но на этом его мучения не закончились. Передача необходимого военного имущества продолжилась на перроне вплоть до отхода поезда. Некоторые сумки летели в открытые двери тамбура уже на ходу, В общем, «Ото оно»...

Таким образом, на станциях назначения из вагонов «вокеры» выходили во всей гусарской красе к «бессильной злобе» сопровождающих офицеров училища.

С вокзала г. Овруча прибывшая группа весело выдвинулись к штабу танковой дивизии, дислоцировавшейся в этом полесском местечке, по пути высокомерно поглядывая, на провинциальные достопримечательности, среди которых особо была отмечена танцплощадка в парке неподалеку от штаба.

Васильев с «Генералом» были распределены в мотострелковую роту одного из танковых полков.

Полки в Овруче располагались компактно в отдельных городках. Стажеров радушно встретили офицеры рот. Для них курсанты в месяц стажировки становились помощниками и свежими собеседниками. Старшие лейтенанты с удовольствием вспоминали свою курсантскую молодость и делились впечатлениями и прелестями гарнизонной жизни. Многие в ней напоминали страницы, зачитанного в училище до дыр, купринского Поединка, невзирая на то, что в парке боевых машин стояли лучшие в мире танки, а душами солдат занимался большой отряд политработников.

В казарме «вокерам» «резанул глаз» непривычный для них беспорядок. На многих кроватях не было матрасов, наволочки на подушках не отличались особой свежестью, лицевые полотенца на многих кроватях отсутствовали, ножных полотенец вообще не было. Пехота имела такой же «несвежий» вид, как и постельный принадлежности.

Выгодно отличался от общей солдатской массы старшина роты, азербайджанец. Старше всех по возрасту, он закончил техникум. Х/б у него было «подогнано», подворотничок свежий (каждое утро боец в его каптерке добросовестно пришивал новый). Встречая после подъема в расположении товарищей курсантов, разместившихся в бытовой комнате, он сладко, по-восточному спрашивал.

— Как отдыхали?

При этом мог нежно взять под локоток товарища курсанта и, улыбаясь пожелать ему доброго утра.

Позже стало ясно, почему у бойцов такой небодрый вид, а состояние порядка в казарме разительно отличается от картинок в уставе внутренней службы. В этот период жизнь роты проходила или на полигоне с дневными и ночными занятиями по стрельбе или в карауле в полку. Воины лишены были возможности просто выспаться.

Повседневная жизнь и деятельность полка представляла сплошной «бардак», по совершенно непонятному для «воке-ров» планированию штабом.

К неопишуемому удивлению они узнали от офицеров роты, а позже и убедились лично, что караул в полку могут не менять по двое, а иногда и по трое суток. Это можно было охарактеризовать, как вопиющее нарушение Устава караульной службы. Когда танкисты стреляли ночью, пехота тянула лямку в карауле и наряде по столовой. Положение мотострелковой роты в танковом полку можно было сравнить с жизнью золушки из сказки Перро.

Несмотря на такую невеселую картину, стажеров не покидал молодецкий энтузиазм. К радости уставших офицеров, они рьяно взялись за воспитание и обучение личного состава. Хорошее настроение било ключом еще и оттого, что появилась возможность почувствовать себя свободными. Забор воинской части теперь был не для них. Питание курсантов предусматривалось в солдатской столовой, но молодые крепкие организмы и чувство собственного достоинства влекли их в места, где «столовались» офицеры и прапорщики полка. Проверка кафе в Доме офицеров выявила некоторую его дороговизну и потерю времени на ожидание официанток. Вторая точка в простонародье называлась «Прапорщик». В меню этой «забегаловки» главным и единственным блюдом значились пельмени на завтрак, обед и ужин. К пельменям предлагался широкий выбор спиртных напитков, любовно расставленный на буфетной витрине. Из всего этого многообразия советские прапорщики предпочитали, как правило, напиток с поэтическим названием «Золотая осень». На его этикетке красовались желто-красные листья, должно быть последнего урожая. Это «вино» местного ликероводочного завода стоило «рупь» с копейками и народу нравилось.

Как-то раз или два с устатку после полевых занятий Васильев с «Генералом» и компанией продегустировали с пельменями этот напиток. Оценка была дана единогласная — «шмурдяк», но с пельменями идет неплохо.

В конце концов, предпочтение было отдано столовой механизаторского кооператива, получившей название «Гайка». Там кормили, как на убой. Поварихи делали «курсантикам» огромные порции. Народ питался в столовой простой и всегда радушный в общении с военными.

Дни стажировки пролетали весело и быстро. В ближайшие же выходные был совершен культпоход на танцы. Кто-то, конечно же, выяснял отношения с местными хлопцами, кому-то удалось закрутить короткий гарнизонный роман. Васильев же с разрешения ротного съездил в село к бабушке.

Гордо идя по главной улице от хаты до хаты, он чувствовал себя героем песни: «Вот кто-то с горочки спустился. Наверно, милый мой идет. На нем защитна гимнастерка. Она с ума меня сведет».

На обратном пути в воинскую часть в «дизеле», как называли поезд местного значения, он не удержался и «закадрил» боевыми рассказами и картинками столичной жизни юную красавицу. Красавица даже написала ему письмо, в котором с горечью призналась, что она еще десятиклассница, а не студентка, как представилась при знакомстве. Увы, на этом романтическая история закончилась. Васильев чувствовал себя почти офицером и с высоты «своего жизненного опыта» утешил ее в ответном письме, мудро заключив, что у нее все впереди.

От бабушки он привез ребятам домашней сельской еды, и на десерт серые пряники, испеченные в печи, политые расплавленным сахаром и посыпанные маком, а ротному бутылку самогона.

Вернувшись в Овруч, после того, как он окунулся в любимую с детства атмосферу сельской жизни добрую и простую, Васильев ощутил, что полковая романтика немного поблекла в его глазах. Грубое отношение к солдатской массе со стороны офицеров теперь коробило. Перед глазами более явным стал образ Ромашова из «Поединка» и умозаключение, что в природе военной жизни не так уж много изменилось.

Из воспоминаний маршала Шапошникова Б.М.

В январе 1903 года между нами, юнкерами старшего класса, уже начинались разговоры, кто и куда хотел бы выйти служить. Прежде всего, каждый купил себе «Краткое расписание сухопутных сил», где были указаны все части бывшей царской армии с их дислокацией и фамилиями командиров корпусов, дивизий, полков и отдельных батальонов (стрелковых и резервных). Шли разговоры и о боевой характеристике полков, их боевой славе, а также черпались с разных сторон сведения и о современной репутации части.

В гвардию могли выходить только потомственные дворяне, а так как у нас в училище их были единицы, то о ней не было речи. Все остальные ориентировались на армию.

С февраля нам разрешалось уже заказывать у частных портных офицерское обмундирование. Составлялись списки, кто и у какого портного хочет себе шить, и затем само училище сообщало этим портным списки юнкеров, желающих обмундироваться у них. Мы же шли к этим портным, выбирали сукно, с пас снимали мерку и постепенно приступали к выполнению заказа. Каждому юнкеру на обмундирование отпускалось из казны 300 рублей. На эти деньги обычно шили

мундир с шароварами, сюртук с двумя парами длинных брюк, шинель, два летних кителя, фуражку, барашковую шапку, две пары сапог, пару штиблет. Из этой же суммы заказывались эполеты, погоны и покупалось оружие — шашка и револьвер. Белье также входило в этот расчет. Кроме того, заказывался так называемый офицерский сундук для перевозки обмундирования.

С каждым днем лета наша предвыпускная горячка усиливалась. Необходимо было ездить то к портному, то к сапожнику, то в магазин офицерских вещей, заканчивая хлопоты по обмундированию.

После 20 июня нам, выпускным юнкерам, были выданы на руки два документа: 1) список юнкеров, окончивших училище по старшинству баллов, в порядке которых и должны были разбираться вакансии; четыре фельдфебеля выбирали из этого списка, а за ними, пятым, должен был выбирать вакансию я; 2) список предлагаемых из Главного штаба вакансий. Каждый юнкер должен был в соответствии со своим номером старшинства составить себе список вакансий, которые он хотел бы взять. При разборке вакансий те из них, которые выбраны до него, вычеркивались из списка, и таким образом у него получался естественный отбор. Теперь уже реально можно было думать, куда и в какой полк выйти служить. В гвардию у нас вышло только два человека. Предварительно они должны были съездить в полки, побыть там среди офицеров, и только тогда давалось окончательное решение на их прием.

Список вакансий был наполнен наименованиями полков и отдельных батальонов пограничных округов. Куропаткин стремился юнкерами из военных училищ, прежде всего, пополнить пограничные округа, а части Московского, Казанского округов заполнялись главным образом выпускниками юнкерских училищ. Мера, конечно, целесообразная, но получалось, что из юнкерских училищ выходили служить в полки, стоявшие в больших городах, а выпускникам военных училищ приходилось идти служить в части, расположенные в мелких городах нашей западной границы, или на Дальний Восток, в Туркестан и на Кавказ.

Дошло дело до того, что командир одной резервной бригады, расположенной около Варшавы, прислал в училище письмо с просьбой объявить юнкерам, как хорошо расположены батальоны бригады и что часто можно бывать в Варшаве. В некоторые полки, как, например, 1151-й пехотный Пятигорский, стоявший в казармах близ станции Береза Каргусская, к северо-востоку от Бреста, из года в год никто не шел служить исключительно из-за стоянки.

На Дальнем Востоке пахло порохом, поэтому вакансии в части, расположенные там, были в ходу. Меня лично прельщала служба на Кавказе и в Туркестане. Трое из моих товарищей юнкеров, уроженцы Ташкента, красочно расписывали этот город. Из пехотных частей юнкера предпочитали стрелковые, а крепостные полки и батальоны («шоколадная гвардия», как их называли у нас по коричневому воротнику и кантам) не привлекали юнкеров.

Из воспоминаний юнкера-алексеевца Пашкова П.В.

По традиции, первому солдату, который отдаст честь новоиспеченному офицеру нашего училища вне его стен, полагалось давать денег. И, выйдя из училища, нас было человек пять,

мы тут же, на мосту через Язу, встретили первого солдата, лихо нам козырнувшего. Подозвав его, мы начали совать ему деньги, к неописуемому его удивлению, конечно.. Получив что-то около тридцати рублей, сумму по тем временам немалую, совершенно не зная, за что, он был, вероятно, очень поражен и долго оглядывался нам вслед..

Алина ПОКРОВСКАЯ,
Георгий ЮМАТОВ, Василий ЛАНОВОЙ
в фильме Владимира РОГОВОГО

ОФИЦЕРЫ

глаз.рф

ВЫПУСК

Пожалуй, это было самое желанное слово на протяжении всей учебы, своего рода путеводная звезда, к которой шли через «тернии» огневой, строевой и тактической подготовки. Ну, еще преодолевали тяготы и лишения воинской службы такие, как караулы, наряды в очереди и вне очереди, «губа» для особо отличившихся, что компенсировалось скромными радостями типа парадов, спортивных праздников, хорового пения, каникул, вступления в Коммунистическую партию Советского Союза, женитьбы.

Не всем удалось пройти эту дистанцию длинной в четыре года. Двух каптеров упекли в «места не столь отдаленные». Личного врага замполита Каращука отчислили-таки из учи-

лица. Позже он был замечен в кабаке в Конотопе в форме лейтенанта ВВС (форму он взял напрокат у офицера своей части, где проходил солдатскую службу).

Распределение будущих мест службы проводилось в течение последнего года обучения на конкурсной основе. При этом учитывались показатели в учебе и дисциплине, должности и погоны родителей, участие в общественной жизни. Преимущество получали сержанты и старшина роты.

«Козырными» назначениями для начала офицерской службы считались Группы советских войск в братских социалистических странах. Среди них особо выделялась ГСВГ (Группа советских войск в Германии).

Далее в «табеле» предпочтений шли военные округа на европейской части советской родины: Киевский, Белорусский, Одесский. Привилегированными также считались отдельные «заменяемые» места в ДальВО. Ну, а полной «безнадегой» единодушно признавался Заб.ВО. «Забудь, что можно вернуться», примерно так говорили об исторических местах, куда отправили декабристов.

Каждый из «вокеров» в этой конкурсной лотерее находил для себя романтическое обоснование своего первого места службы.

«Генерал», а вернее его родители видели его только в Прик.ВО, только в учебной дивизии и только женатым, дабы уберечь его от соблазнов холостой гарнизонной службы.

Васильеву выпал Киевский ВО, не в последнюю очередь, благодаря искусству папы, налаживать отличные отношения с командирами. Этому также способствовали хорошие показатели в учебе и активное участие в художественной самодеятельности.

Правда, был шанс попасть в морскую пехоту. Это предложение поступило от отдела кадров для всех желающих.

Первоначально предполагалось, что всех направят для прохождения службы в бригаду морской пехоты в Севастополе. Но в результате в Севастополь уехал только старшина роты Петя Ваулин. Остальные «загребели» в ДальВО на побережье Тихого океана.

С началом учебного года всем четверокурсникам в училищном ателье начали шить офицерскую форму с многочисленными примерками и «подгонками». По общему мнению, самая красивая форма была как раз у офицеров морской пехоты.

Кроме пошива формы, в штабе училища в конце учебного года организовали фотографирование для документов в повседневной и парадной офицерской форме, что добавляло оптимизма и вселяло уверенность в завтрашний день.

Многие в этот период готовились не только к выпуску, но и к свадьбам. Эта участь постигла и «Генерала». Ему подобрали скромную симпатичную девочку из офицерской семьи с которой дружили его родители. «Генерал» убедил себя в любви к ней и необходимости такого шага для успешной офицерской карьеры. Так что к его свадьбе готовился весь Черновицкий гарнизон, где его отец командывал дивизией. Мама «Генерала», для его друзей тетя Женя, строго настаивала на том, что и им всем надо жениться. На возражения, типа, мы еще выбираем она резонно заметила.

— Вибирайте, вибирайте, а потім таке гівно виберете!

Это созвучно было с купринским выражением о том, что большинство офицерских браков совершаются на скорую руку.

А тетя Женя в семье почти всегда разговаривала на украинском языке, при том, что дядя Леня Генералов «окал» по-волжски. От тети Жени Васильев впервые услышал анекдот, — Думал ли ты, Ленька, простой крестьянский парень, что когда-то с генеральшей спать будешь?

«Госы» проходили ни шатко ни валко. Больше всех переживали те, кто шел на красный диплом, чтобы не сорваться на последнем рубеже. Основная же масса, считала, что лучше иметь синий диплом и красную морду чем наоборот. Грустная нотка присутствовала во всем, от того, что «Веня» в госпитале. Последний раз его видели на построении при представлении главе экзаменационной комиссии.

После сдачи «госов» наступила безмятежная пора ожидания приказа Министра обороны Советского Союза о присвоении воинского звания лейтенант. Представитель кадров ехал в Москву со списками выпускников, его сопровождал курсант, которого возлагалась ответственная миссия дать телеграмму из Москвы после подписания приказа. Текст телеграммы зашифровывался таким образом, что из первых букв сообщения можно было составить вульгарное слово, похожее на слово «конец». Последние слова телеграммы гласили: «... еду, целую». После получения телеграммы в общежитии 4-й роты прошел вечерний маленький сабантуй..

«Вроде все, как всегда.. только он не вернулся из боя». Под знаком этой песни Высоцкого, тоже ушедшего в эти жаркие июльские дни, прошел день выпуска.

Для вояков смерть «Вени» стала первой в жизни боевой невозвратной потерей.

Впереди у каждого был свой короткий или долгий путь в офицерских погонах и каждый, стоящий в торжественном строю, верил только в лучшее.

По традиции, пришедшей из дореволюционного прошлого, выпускник в кармане имел юбилейный металлический рубль. Его положено было дать тому военнослужащему, кто первым отдаст воинскую честь «новоиспеченному» лейтенанту. На эту роль с удовольствием вызывались товарищи выпускников с младших курсов.

Из училища после торжественных мероприятий молодые лейтенанты расходились, в окружении счастливых родителей, родственников и друзей.

Многие шли под ручку (обязательно слева) с невестами, женами, девушками.

По предложению первого старшины роты Вити Стельмаха встреча выпускников 4-й роты (1976–1980 гг.) должна была состояться через двадцать лет. Такую запись сделали в выпускном альбоме.

Вручение дипломов

Последнее прохождение батальона торжественным маршем

Господа Юнкера, кем Вы были вчера, а сегодня Вы все офицеры...

Б.Окуджава

Из воспоминаний генерала А.Деникина о службе после окончания училища в артиллерийской бригаде

Осенью 1892 года я прибыл к месту службы во 2-ю полевую артиллерийскую бригаду — в город Белу, Седлецкой губернии.

Это была типичная стоянка для большинства войсковых частей, заброшенных в захолустья Варшавского, Виленского, отчасти Киевского военных округов, где протекала иногда добрая половина жизни служилых людей.

Быт нашей бригады и жизнь городка переплетались так тесно, что о последней приходится сказать несколько слов.

Население Белы не превышало 8 тысяч. Из них тысяч 5 евреев, остальные поляки и немного русских — главным образом служилый элемент. В этом кругу сосредотачивались все наши внешние интересы: там «бывали», ссорились и мирились, дружили и расходились, ухаживали и женились.

Из года в год всё то же, всё то же. Одни и те же разговоры и шутки.

Лишь два-три дома, где можно было не только повеселиться, но и поговорить на серьезные темы. Ни один лектор, ни одна порядочная труппа не забредала в нашу глушь. Словом, серенькая жизнь, маленькие интересы — «чеховские будни». Только деловые и бодрые, без уездных «гамлетов», без нытья и надрыва. Потому, вероятно, они не засасывали и вспоминаются теперь с доброй улыбкой.

В такой обстановке прошло с перерывами в общей сложности 5 лет моей жизни.

Мои два товарища, одновременно со мной вышедшие в бригаду, сделали визиты всем в городе, как тогда острили, «у кого только был звонок у подъезда». И всюду бывали. Я же предпочитал общество своих молодых товарищей. Мы собирались поочередно друг у друга, по вечерам играли в винт, умеренно пили и много пели. Во время своих собраний молодежь разрешала попутно и все «мировые вопросы», весьма, впрочем, элементарно.

Государственный строй был для офицерства фактом предопределенным, не вызывающим ни сомнений, ни разнотолков. «За веру, царя и отечество».

Отечество воспринималось горячо, как весь сложившийся комплекс бытия страны и народа — без анализа, без достаточного знания его жизни.

Офицерство не проявляло особенного любопытства к общественным и народным движениям и относилось с предубеждением не только к левой, но и к либеральной общественности.

ПЕЛЬМЕНИ

НАРКОМВНУТОРТ

КОНОТОП

В отделе кадров штаба 1-й общевойсковой армии в Чернигове, куда получил предписание Васильев, ему были предложены на выбор два места для дальнейшего прохождения службы: 908-й десантно-штурмовой батальон (ДШБ) в Конотопе или кадрированная мотострелковая дивизия там же.

Красить заборы и бордюры в парке боевых машин, не «вылезать» из нарядов, иметь в подчинении пару «чурок» — примерно такие перспективы рисовались от одного названия «кадрированная дивизия». И совсем иное дело — романтика «десантных, продуваемых всеми ветрами» войск, особенно после недавно вышедшего на экраны фильма «В зоне особого

внимания»! К тому же в ДШБ пошли Коля Яцко и Володя Аскарлов, однокашники по КВОКУ. Поэтому лейтенантом Васильевым почти без колебаний выбор был сделан в пользу должности командира разведывательного взвода ДШБ.

Десантно-штурмовые войска в Советской армии стали продолжателями традиций ВДВ, поэтому и привлекали «рвущихся в бой» выпускников.

Не без легкой грусти пришлось расстаться с общевоинскими эмблемами и генеральской, с красным околышем фуражкой, подаренной «Генералом».

В десантно-штурмовом батальоне выпускников общевоинского училища встретили с традиционным десантным гостеприимством. Командир батальона капитан Спиридонов Иван Федорович сразу же вызывал симпатию своей сдержанностью и немногословностью. В общении с молодыми лейтенантами он был предельно корректен. Опытный десантник и спортсмен, в любую минуту на занятиях или учениях мог выдернуть бойца из строя для схватки по вольной борьбе. Результат был предсказуем, через несколько минут боец оказывался «на лопатках». Такие же игры он устраивал с офицерами на полигоне или на прыжках, фактически, с таким же результатом.

Бойцы в батальоне — все, как на подбор. Первое же знакомство «вокеров» с ДШБ произошло еще во время учебы на показательных учениях Киевского ВО на полигоне в п.г.т. Гончаровск Черниговской области. В то время, как КВОКУ под одобрительные взгляды руководителей республики и командования округа демонстрировало под барабан «образцы» строевой выучки на плацу, ДШБ проводил показательное занятие с высадкой из вертолетов и боевой стрельбой на полигоне. Одетые в спецназовскую форму («песочку»), десантники производили самое благоприятное впечатление.

Теперь же, в одном батальоне, на молодых лейтенантов гвардейцы смотрели с легкой долей скепсиса, как на пехоту. Проверкой «на шивость» для командиров взводов должны были стать «прыжки».

Офицеры ДШБ, уже послужившие в ВДВ в разных местах Союза, с большим количеством прыжков сразу стали авторитетами для вчерашних выпускников. В батальоне произошла их встреча и с собратом по КВОКУ «Белым», Шурой Белоусом. Он сразу же ласково нарек однокашников «ма-ма-лышками», слегка при волнении заикаясь, и назначил вечером «совещание» в ресторане, естественно за счет «малышей».

В Конотопе «Белый» уже стал легендарной личностью и своим человеком во всех кабаках. Бойцы его уважали, а, значит, побаивались за буйный нрав, но справедливое к ним отношение.

Дружил он с командиром минометной батареи Сергеем Комаровым, «Комарем» — по меткому выражению «Белого». В «обществе» они почти всегда появлялись вместе.

В ресторане «Украина», располагавшемся в одноименном готеле, «Белый» провел краткий экскурс по истории ДШБ, который к тому же был «отдельным» (ОДШБ).

Первый ужин офицеров, прибывших для формирования батальона, состоялся именно в этом месте. Закончился он дракой с местными товарищами. Те просто приняли десантников за вертолетчиков, то ли приехавших на ремзавод, то ли с учебного центра летного училища. Эта ошибка им обошлась «неслабо».

На следующий день на служебном совещании комбат подвел итоги прошедшего мероприятия и отдал распоряжение всем офицерам прибыть в этот же ресторан вечером.

Во время второго ужина состоялась «мировая» с представителями местной общественности по случаю имевшего место недоразумения.

В этот раз «Белый» время от времени прерывал повествование, чтобы обратить внимание «малышей» на постоянных посетительниц этого заведения общепита, давая им интересные характеристики. Досталось и «Комарю», над которым он недобро шутил и вызываяще предлагал ему опрокинуть рюмочку. Из объяснения «Белого» стало понятно, что «Комарь» зацепил «холостяцкий насморк» и принимал таблетки, несовместимые с алкоголем.

Гвардейцы батальона пользовались успехом у местного женского населения, что проявилось в самых бурных овациях на стадионе во время праздника 1-го Мая при исполнении строевых песен частями местного гарнизона. Популярности им добавило также недавнее событие на танцплощадке. Кого-то из них зацепили местные ребята, в ответ личный состав дружно прибыл на выручку, оцепил танцплощадку и провел «занятие по рукопашному бою» с допризывниками. Дежурным по батальону был прапорщик. Остановить такой порыв подчиненных он не смог, но после окончания «танцев с рукопашным боем» построил батальон и с песней увел в расположение части.

Первый год офицерской службы в ДШБ запомнился своей невероятной романтичностью и задором, какого, пожалуй, не было во все последующие года.

Прыжки, боевая подготовка, учения и пьянящая свобода, после четырехлетнего пребывания в казарме за забором училища. Все это было, как ребяческие забавы взрослых мужчин. Отдельные события, словно вспышки от разрывов в условиях ночной стрельбы, запечатлелись в памяти навсегда.

Могучий и основательный, как Тарас Бульба, зам по парашютно-десантной службе (ПДС), всеми многоуважаемый майор Павел Степанович Тютюн, грозно руководил и солдатами, и офицерами, как неразумными детьми, на укладке куполов. Уже в Афгане, на дороге из Кабула на Гардез, в колонне Васильев встретил его во время обстрела, и бросился обнимать его от щемящей радости и тоски, и никого роднее не было для него в эту минуту. Через двадцать семь лет в Бресте Васильев также радостно бросился к нему, уже ветерану, идущему на встречу с офицерами батальона. Но Павел Степанович не узнал его и с трудом припоминал тех, с кем служил в конотопском ДШБ.

Экзамен каждого десантника — первый прыжок. На борту Ан-2 каждый по-разному переживал ожидание момента, когда надо сделать шаг в бездну. Выворачивающий все изнутри, резкий и неприятный вой сирены в «кукурузнике», оповещающий о готовности к прыжку, прервал размышления и сомнения. Открытая дверь в свободное пространство и доброе, круглое, улыбающееся лицо выпускающего в летном шлеме — последние картинки в сознании перед прыжком. Не протрезвившийся «Комарь» у открытой двери с удивлением вдруг обнаружил, что у него не пристегнут карабин.

Радость приземления на большом зеленом поле на окраине Конотопа была дополнена живописным эпизодом спасающегося бегством прапорщика Коли с парашютом в руках от разгневанной тетки, размахивающей граблями. Его ветром занесло в ее хорошо ухоженный огород.

Раздутый от ветра купол парашюта замполита капитана Роменского долго тащил его по полю. Это волочение или полет «низенько-низенько» прервал пенек, оказавшийся вакурат между ногами вооруженного передовой теорией офицера. Ой, ой, ой! Больно!

Весь год этот замполит пребывал в решении Гамлетовского вопроса: «Быть или не быть?» — «Поступить или не поступить?». Это касалось Военно-политической академии имени В.И.Ленина. В случае непоступления его ждал Афган, и он всех убеждал в своей политической зрелости и готовности выполнить интернациональный долг.

Конотопский ДШБ подчинялся напрямую разведотделу штаба Армии. Поэтому отношения между офицерами батальона и армейскими начальниками по традиции, принятой в разведке, были уважительными и интеллигентными. Пехотное самодурство здесь было «не ко двору». Начальник разведки армии полковник Лаврентьев, немного позер и любитель слегка приукрасить свой боевой путь (говорил, что в свое время прыгал, но верилось в это с трудом), либерально и покровительственно относился к выпускникам. Он любил порассуждать с ними о временах культа личности Сталина.

А еще он смотрел на розовощеких лейтенантов и как на перспективных женихов для своей дочери, которая, правда, пока только училась в средней школе. Когда лейтенант Васильев узнал, что у нее тройка по литературе, весь его интерес к юной особе сразу пропал.

ДШБ стал для Лаврентьева гордостью и визитной карточкой в Армии. Правда, однажды во время учений сил и средств разведки пришлось его огорчить. К учениям привлекли десантников, к большому их неудовольствию. Батальон играл роль противника и под впечатлением популярного фильма о героических десантниках «В зоне особого внимания» ночью похулиганил в стане «сил и средств разведки», угнав БТР и раздобыв несколько автоматов АКМ белоцерковских разведчиков.

В Штабе Киевского военного округа тоже оценили подготовку и красивую форму ДШБ, поставив его в «оцепление» на

гончаровском полигоне во время проверки боевой подготовки частей округа Маршалом Советского Союза Москаленко К.С.

Разведчики взвода лейтенанта Васильева находились на центральной вышке в качестве охраны, поэтому они стали свидетелями «явления знаменитого Маршала народу». В это время он находился в так называемой «райской» группе инспекторов Министерства обороны СССР и приезжал в войска с проверками. Он очень любил солдатиков-гранатометчиков и отличившихся награждал часами.

Маршала доставили к центральной вышке вертолетом. Сводили его с борта «под ручки» сопровождающие лица. Под кителем у него была видна синяя шерстяная жилеточка. Его сразу же провели потихоньку в большую палатку, где был сервирован завтрак. Вокруг Маршала хлопотали Командующий Киевским военным округом генерал-полковник Герасимов И.А. и начальник Политуправления генерал-лейтенант Дементьев В.Т.

Маршал плохо слышал, поэтому к нему обращались на ухо, повышая голос. Стало очень забавно, когда из палатки раздался громовой голос начальника Политуправления:

— Скушайте черешенку, товарищ Маршал Советского Союза.

После завтрака Маршала усадили в креслице на центральной вышке.

Немного сипящим тоненьким голоском он обратился к Командующему округом. Смысл обращения состоял в том, что на поле лежал туман, и Маршал предложил перенести начало этапа боевой стрельбы из танков.

В ответ генерал-полковник Герасимов И.А. еще более громовым голосом, чем у «замполита», на ухо Москаленко проорал, что героические войска Киевского особого военного

округа летом 41-го года отражали нападение врага в любых погодных условиях.

— Ну ладно, давайте команду, — тихонько согласился Маршал.

Доклад о результатах стрельбы поверг всех, кроме Маршала, в полубоморочное состояние.

— Двойка!

Перед вышкой выстроились командиры всех степеней, и Маршал тонюсеньким голоском начал распекать генералов и полковников, как нашкодивших школьников.

— Убрать всех лишних с вышки, — рявкнул грозно генерал-лейтенант Дементьев В.Т. И лейтенант Васильев со своим десантниками начал просить всех ротозеев отойти на безопасное удаление.

Разбор закончился. Округу была поставлена неудовлетворительная оценка. Маршалу подвели пару солдатиков для награждения часами, он их похвалил и поставил в пример генералам и полковникам.

Затем Маршала «под ручки» отвели к вертолету.

Когда борт был уже в воздухе, на проселочной дороге из района, по которому недавно вели неприцельный огонь танкисты, появилась колхозная грузовая машина. Оставшиеся на вышке начальники оцепенели от неожиданности и размышлений о возможных последствиях. Слава Богу, в этот раз все обошлось.

Поскольку в Советской Армии отсутствовали офицерские собрания в том историческом виде, какими они были до революции, а партийные собрания их заменить не смогли, рестораны Конотопа стали традиционными местами сбора и времяпрепровождения офицерами гарнизона. Лейтенантская зарплата позволяла выходные проводить «по-благородному».

Цыган правда не вызывали, а пару раз с ними дрались, а ребята эти были всегда с ножами.

К офицерским развлечениям прибавлялись приглашения от комсомольских организаций города, в руководстве которых преобладали комсомолки. Первая такая встреча удивила столичных выпускников тем, что комсомольское руководство очень даже «дружило» с чистым спиртом, поставляемым активистами с вертолетного завода.

Еще одним организатором культурного проведения выходного дня лейтенантами слыл парторг батальона, меньше всех офицеров похожий на спортсмена-десантника. Пристрастие к зеленому змию в нем периодически побеждало постулаты марксистско-ленинской теории. Но, благодаря творческому подходу к делу, он нашел для себя возможность красиво «залить за воротник» даже в присутствии строгой супруги, учительницы по профессии. Для этого у него дома регулярно организовывались мероприятия — «пельмени», на которые приглашались холостые лейтенанты и группы молодых незамужних «училок».

Все происходило чинно и благородно, как на педсовете, под контролем его супруги. После нескольких таких вечеров, лейтенанты изобретали невероятные поводы, чтобы только не угодить на эти званые вечера.

Тем не менее, со временем почти все попали в ЗАГС через хитро расставленные капканы конотопских девушек и дам. Не зря, наверное, Николай Васильевич Гоголь поселил свою ведьму в Конотопе.

Холостого лейтенанта Васильева от этой участи спас Афганистан.

Эпопея отправки на ротацию для выполнения интернационального долга началась в батальоне, как ни странно, со складского прапорщика. Он предпринял все возможные меры

и использовал имущество вверенного ему склада, чтобы избежать этой горькой участи — отдавать свой долг. «Последний бой» он держал в аэропорту Борисполя, забаррикадировавшись в туалете. В ДРА он получил «свой» склад и через год приехал в отпуск с геройским видом и рассказами о своих подвигах, «затаренный», как положено.

Каждого ждала своя война ...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Кузницы офицерских кадров.....	3
Прибытие в Киевское высшее общевойсковое командное дважды Краснознаменное училище имени М. В. Фрунзе	28
«Веня».....	44
Мы все учились понемногу.....	64
Не учебой единой	80
Офицеры батальона	96
Стажировка.....	108
Выпуск.....	120
Конотоп	132

Літературно-художнє видання

Афганская арена

ВОЛОШЕНЮК Владимир Васильевич

ВЗВОД, КУРСАНТСКИЙ

Под редакцией В.И. Аблазова

Дизайн и вёрстка *Н.В. Коваль*

Підписано до друку 22.01.2018.
Формат 60x84 /16. Папір офсетний.
Друк офсетний. Ум.-друк. арк. 3,46.
Зам. №

Видавничий дім «КИЙ»

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до Державного реєстру
видавців, виготівників, розповсюджувачів видавничої продукції серія ДК № 4646
від 01.11.2013 р.